

В.Д. Чурсин
О.В. Газиева

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС
СААВЕДРА
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Санкт-Петербург
«Социально-гуманитарное знание»
2015

УДК 82.091 + 821.134.2
ББК 83.3(4)

Ч93 **Чурсин В.Д., Газиева О.В.**
Мигель де Сервантес Сааведра. Жизнеописание.
– СПб. : Социально-гуманитарное знание, 2015. – 98 с.

ISBN 978-5-9904243-2-6

Авторы данной книги – петербуржцы, испанисты: отец – один из старейших испанистов России, более 50 лет проработавший в Публичной библиотеке главным библиографом, и дочь – переводчик и преподаватель испанского языка. Жизнь всей семьи всегда была пронизана любовью к Испании, ее культуре и особенно к литературе. Тщательный сбор материала в течение многих лет по биографии великого испанца, глубокое прочтение его произведений и главного романа вылились в создание данной книги в помощь учащимся гимназий, школ с углубленным изучением испанского языка и всем интересующимся жизнью Сервантеса.

В работе рассматривается непреходящая ценность художественных сочинений одного из деятелей зрелого Возрождения в Испании Мигеля де Сервантеса Сааведра (1547 - 1616), их глубокий демократизм, несокрушимая вера в человека, реалистическое изображение испанской действительности того времени. Но самое главное внимание приковано к самой жизни Сервантеса и причинам, которые могли привести к созданию образа Дон Кихота.

УДК 82.091 + 821.134.2
ББК 83.3(4)

ISBN 978-5-9904243-2-6

© Чурсин В.Д., 2015
© Газиева О.В., 2015
© ООО «Издательство «Социально-гуманитарное знание», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Апрель жизни	6
В Италии	11
Алжирская глава	16
Встреча с Родиной	21
Именем Его Величества	28
Зрелость	37
Книга – подвиг	46
В кривом зеркале пародии	56
Рыцарь нового времени	65
Открытию нет конца	78
Последнее путешествие – на Парнас и по собственной жизни	85
Заключение	92
Библиография	94

ВВЕДЕНИЕ

*... Я шёл стезёю правды неизменной,
Мне добродетель спутницей была.*

Уже более трёх с половиной веков всматривается человечество в немеркнущее наследие Мигеля де Сервантеса Сааведры. Для своей родины, Испании, он означает то же, что Пушкин и Лев Толстой для России, Шекспир – для Англии, Данте – для Италии, Мольер – для Франции, а для Германии – Гёте. Он – гордость испанского народа, душу которого сумел выразить в своём творчестве с непревзойденной глубиной.

Но одного таланта, как ни велик он, бывает все-таки недостаточно, чтобы сыграть выдающуюся роль в истории. В самой действительности должны сложиться такие условия, чтобы деятельность одарённых личностей приобрела широкий резонанс.

Время жизни Сервантеса (1547 – 1616) падает на эпоху, подарившую миру таких испанских писателей, как Лопе де Вега, Тйрсо де Молина, Франсиско де Кавéдо, Матéо Алемáн, Антонио де Аларкóн, Педро Кальдерóн, таких титанов кисти, как Велáскес, Эль Грёко, Мури́льо, Рибéра, многих видных учёных. Это было настоящее цветенье, Золотой Век культуры Испании, и это – не случайное явление.

Особенностью исторического развития страны было то, что в начале Средневековья она была покорена пришедшими с юга арабами. Лишь на севере, среди гор Астурии, люди остались независимыми, и как раз отсюда началась Реконкíста, отвоевание родины у арабов. С 718 года, от битвы при местечке Ковадонга, и до 1492 года, когда пал последний оплот арабского владычества – Гренада, продолжалась эта война, в которой народ принимал активное участие.

С одной стороны, это был недолгий период оживления экономики, период, когда духовные устремления передовых людей Испании были пронизаны жизнерадостным духом гуманизма, свойственным эпохе Возрождения в целом.

С другой стороны, XVI столетие – время роковых ошибок, допущенных в руководстве страной и приведших её вскоре к жестокому упадку. Развёртывается наступление католической реакции на свободомыслие – негодные уничтожались, крамольные сочинения попадали в Индексы запрещенных книг. После величия и подъёма Испания вступила на путь кризиса, застоя, мракобесия.

В это сложное время, на разломе феодальной и буржуазной эпох,

жили и творили Сервантес и его выдающиеся соотечественники. В прекрасных картинах и книгах продолжала жить, сопротивляясь, неистребимая, свободная душа испанского народа.

Сервантес оставил романы, новеллы, пьесы, стихи. Но он написал еще одну книгу, книгу собственной жизни, трудной, страстной и величавой. Многих страниц и даже глав в этой книге, к сожалению, недостаёт. Они вырваны временем. Сколько интереснейших событий, встреч, лиц навсегда вычеркнуто из летописи жизни Сервантеса!

Но и то, что дошло до нас, поучительно в высшей степени.

АПРЕЛЬ ЖИЗНИ

*«Уже восторгом наполнилась грудь,
В ней славолюбья жар пылал прекрас-
ный...»*

Сервантес «Путешествие на Парнас»

1

В один из декабрьских дней 1569 года щеголеватый управляющий Канцелярией мадридского коррехидора, сеньор лицензиат¹ Дуárте де Аку́нья поручил своему секретарю Родри́го де Вéра составить свидетельство о «чистоте крови», затребованное для некоего молодого человека, который, находился в Риме и выразил желание вступить в ряды испанской армии. В католической Испании такие документы были обычным явлением: прежде чем занять тот или иной пост, нужно было подтвердить своё «законное» происхождение, а также «незапятнанность» примесью мавританской крови и отсутствие каких-либо улик со стороны инквизиции.

Неизвестно, на основании каких архивных материалов была составлена запрошенная бумага, но к вечеру 22 декабря она была готова. И, подписывая её, напыщенный лицензиат даже не взглянул на фамилию того, для кого предназначался документ: Мигéль де Серва́нтес Саавéдра.

До 22-летнего Мигеля это свидетельство дошло лишь летом 1570 года. Можно думать, что Сервантес не слишком страшился проверки своей родословной, так как принадлежал к старинному дворянскому роду, переселившемуся некогда из Галисии в Кастилию² и принимавшему участие в Реконкисте. Фамилия писателя, возможно, происходит от названия местечка Серва́тос, а её вторая часть «Сааведра» придумана самим Мигелем, чтобы как-то отличаться от однофамильцев – фамилия была распространённой.

В период Реконкисты сословие мелких дворян – идáльго, наряду с крестьянством и горожанами, был ведущей силой в борьбе с арабами.

¹ Коррехидóр – глава городского (муниципального) управления в Испании. Лиценциа́т – ученая степень в иностранных университетах.

² Гали́сия – область Испании, расположенная на северо-западе Пиренейского полуострова. В центре полуострова находится Касти́лия.

Идальго очень этим гордились, говоря про себя, что «идальго пониже только господа бога будут, а королю они не уступают ни в чём». Но с окончанием в 1492 году Реконкисты и образованием мощной абсолютистской монархии, идальгия не смогла приспособиться к новой обстановке и разлагалась. Заниматься ремёслами и торговлей для идальго считалось позорным и, более того, запрещалось законом (запрет отменён лишь в 1679 году). Из всех «механических искусств» им было дозволено только промышленяльть изготовлением... клеток для птиц и вошедших тогда в моду зубочисток! Оставались, как тогда говорили, «церковь, море и королевский дворец», т.е. религиозная, военная и чиновничья стезя, но и эти занятия кичливые идальго осваивали с трудом, предпочитая бездельничать и упиваться своим блестящим прошлым. На судьбе некогда видного рода Сервантесов особенно видно, как опускалась, разоряясь, идальгия.

Дед писателя лицензиат Хуан де Сервантес был судебским стряпчим в городе Кордова на юге страны, а в 1516 году стал даже главным алькальдом, т.е. главой городского самоуправления Кордовы. В 1518 году он покидает Кордову и попеременно живет то в одном, то в другом городе Испании. Это был, по-видимому, властный человек, доходивший порой при исполнении своих обязанностей до самоуправства. Так, в апреле 1524 года он был обвинён в г. Куэнка (где был коррехидором) в расправе над безвинным человеком, и только деньги, которыми он откупился, спасли его от наказания.

С конца 1520-х годов он жил с семьёй в городке Гвадалахара, будучи администратором в поместьях герцога дель Инфантадо. Здесь у него родился сын Родриго, отец будущего писателя.

В 1533 году Сервантесы жили в городе Алькала́ де Эна́рес, неподалёку от Мадрида. Это была обеспеченная семья, настоящие кабальеро, «ибо таков был, как гласит документ, их образ жизни в Алькала... Они имели лошадей и всегда участвовали в дворянских забавах, бились на копьях и метали дротики, как в указанном городе, так и в Гвадалахаре...».

Позднее Хуан де Сервантес исполняет должности судьи, управляющего, главного алькальда в землях графа де Уренья, герцога де Сёса. В это-то время около 1543 года, его сын Родриго женится на Леонóре де Корти́нас, а уже год спустя у молодой четы появился первенец.

2

Мигель де Сервантес родился 29 сентября 1547 года в Алькала де Энарес. Он был четвёртым ребенком в семье Родриго (после него было

ещё трое). Дом на улице де ла Имáхен, где он родился, сохранился почти без изменений до нашего времени.

В то время, как дед Мигеля Хуан де Сервантес доживал свои дни в Кордове (он умер в 1556 году), занимаясь адвокатской деятельностью, отец влачил жалкое существование, перебиваясь лекарской практикой. Но страдавший глухотой лекарь не пользовался популярностью у больных и в поисках заработка был вынужден кочевать по Испании. Жизнь большой семьи протекала в материальных заботах.

В 1551 году незадачливый лекарь оказался в Вальядолиде, где надеялся поправить свои дела, но в следующем году потерпел крах. Не в силах уплатить ростовщику долг, он был арестован, а всё имущество пущено с молотка. И хотя Родриго де Сервантес требует выпустить его из тюрьмы, потому что он «известный идалъго» и по закону не может подвергаться аресту за долги, в заключении его продержали с июля 1552 по январь 1553 года.

И всюду, где бы не появлялись теперь Сервантесы, их неотступно преследовала нищета, как преследовала она, впрочем, и тысячи других обедневших идалъго. Горький лик бедности запомнится Мигелю с детства, и в сочинениях его эта тема занимает большое место. «О бедность, бедность! – восклицает с укоризною писатель в «Дон Кихоте». – Зачем ты преимущественно избираешь своими жертвами идалъго и прочих людей благородного происхождения?». И как это, верно, тяжело осознавать своё убожество подобно Дон Кихоту во второй части знаменитой книги: «Жалок тот дворянин, который ест впроголодь, а на улице напускает на себя важность и лицемерно ковыряет во рту зубочисткой, меж тем, как он не ел ничего такого, после чего ему требовалось бы поковырять в зубах! Жалок тот, говорю я, у кого честь стыдлива и которому кажется, будто всем издали видно, что башмаки у него в заплатах, шляпа лоснится от пота, накидка обтрéпана, а в животе пусто!». Быт идалъго Сервантес познал с детства, наблюдая родственников и знакомых.

3

Про первые годы Мигеля, «апрель» его жизни, как говорят Испанцы знаем мы крайне мало. Он бывал в Кордове. В 1557 году поступил в Вальядолиде в коллегию монахов-иезуитов, где проучился четыре года.

В 1561 году семья переезжает в Мадрид, ставший столицей королевства. Здесь его образование продолжается – он посещает городскую школу Херóнимо Рамíреса. В 1564 г. Сервантесы живут в Севилье, с 1566 г. опять в Мадриде. Посещал ли Сервантес школу в Севилье, столь ярко описанную им в «Новелле о беседе собак», точно неизвестно, хотя

и возможно. Не подтверждён и факт учёбы юноши в университете Саламанки, что также не исключено.

В конце 60-х годов Сервантес берёт, по-видимому, частные уроки у известного мадридского педагога-гуманиста Хуана Лопеса де Ойос, поклонника передовых взглядов деятеля европейского Возрождения Эразма Роттердамского. И если в творчестве Сервантеса есть немало от мыслей великого учёного, то объясняется это отчасти дружбой Мигеля с Лопесом де Ойос.

Был Мигель подвижным, любознательным мальчиком. Очень любил читать. Строки по этому поводу из «Дон Кихота» имеют явно автобиографический смысл: «...я большой охотник до чтения и читаю всё подряд, даже клочки бумаги, подобранные на улице...». Уже в ранних сочинениях Сервантеса встречаешься со множеством упоминаний разных авторов, произведений, народных романсов, образов античной мифологии. Несомненно, значительная часть этих знаний приобретена была писателем в юную пору.

Страстью Мигеля был театр. «...лицедейство пленило меня, когда я был совсем маленький, а в юности я не выходил из театра» («Дон Кихот»). А было всё так. Появлялось несколько бродячих артистов. Весь их реквизит умещался в одном мешке – парики, бороды, тулупы и посох. Скамейки ставили квадратом, настилали доски и получалась сцена, едва возвышавшаяся над землёй. Старое одеяло на верёвке отделяло сцену и зрителей от актёров. Но вот из-за одеяла доносился старинный романс. На сцену выходит ведущий и перед толпой благородных зрителей разыгрывается весёлые сценки. «Я был тогда ещё совсем мальчик», – замечает Сервантес в предисловии к сборнику пьес, вышедшему в 1615 году, с теплотой вспоминая, как бывал на представлениях известного драматурга и актёра Лопе де Руэды.

В обращении к читателям своего первого романа «Галатэя» (1585 г.) молодой писатель признаётся: «...склонность к поэзии была у меня всегда...». Стихи, как видно, он начал писать рано. А в 1569 году четыре его стихотворения впервые увидели свет. Поводом для их сочинения послужила внезапная кончина королевы Исабэлы. Наставнику Сервантеса Лопесу де Ойосу было поручено составить описание похорон, а последний привлек к этому Мигеля, «моего любимого и дорогого ученика», как он его представляет.

Опубликованные в сборнике «Королевские строфы» и другие стихи Сервантеса не выходят за пределы ученических упражнений в стихосложении, что нередко практиковалось тогда в школах. Они не лишены изящества, в них звучит местами искренняя грусть:

*Смотрите, каков наш суетный свет!
Смотрите, как торжествует смерть,
А жизни весёлой простыл след.*

С этой «пробы пера» и начинается Сервантес как писатель...

Но когда рассказ о пышной церемонии похорон лежал в начале 1569 года на прилавках книжных магазинов Мадрида, самого Сервантеса в Испании уже не было. Причиной столь поспешного отъезда в Италию послужил, как говорят биографы писателя, поединок его с неким Алонсо де Сегура, закончившийся для противника Мигеля плачевно. Так как дуэли были под запретом, то полиция 15 сентября 1569 года получила приказ об аресте Сервантеса, заочно приговорённого к отсечению руки и десятилетнему изгнанию из королевства.

Но не только мотивы безопасности толкнули Сервантеса на бегство. Семья находилась в бедственном положении. Средств не было. Чтобы несколько сгладить нужду, старшая сестра Лойса в 1565 году постриглась в монахини. Но это не спасло.

По Испании всё шире расплзалась язва кризиса. Депутаты кортесов – так назывался испанский парламент – в 1573 году заявили, что «в результате отсутствия работы в торговле и промышленности многие ремесленники и рабочие, в прежние времена хорошо обеспеченные, поскольку у них было достаточно работы, в настоящее время превратились в жалких, никому не нужных бедняков или бродяг и бездельников, число которых увеличивается с каждым днём всё более». «Ни у кого нет ни денег, ни кредита; страна совершенно опустошена», – говорилось в том же заявлении.

Сотни тысяч испанцев в поисках места в жизни и куска хлеба хлынули в армию, за океан, куда глаза глядят, лишь бы не прозябать у себя на родине. И среди них обуреваемый надеждами Сервантес, который, покидая столицу, мог бы сказать словами героя своей поэмы «Путешествие на Парнас»:

*Я восклицал: «Отечество, прости!
Прощай, Мадрид, и ты прощай, о Прадо,
И нищий кров, приют мой с юных лет...»*

В ИТАЛИИ

«Путешествия по чужим краям и общение с людьми развивают ум человека»

Сервантес «Новелла о беседе собак»

1

В Риме на недолгое время Сервантес поступает на службу камерари-ем, т.е. секретарём к монсиньору Джулио Аквавиве, только что возвратившемуся из поездки в Мадрид, где Аквавива представлял интересы Папы Пия V. Вокруг молодого образованного Аквавивы, в котором, по отзывам современников, «было достаточно как храбрости, так и ума», кипит бурная жизнь. В 24 года, в мае 1570 г., он становится кардиналом. Сервантес, у которого обязанности камерария отнимали мало времени, с любопытством впитывает новые впечатления.

Литература и искусство Италии к моменту появления там Сервантеса достигли небывалого расцвета. Нигде в Европе эпоха Возрождения не порождала такого богатства передовых идей, не проявляла себя с такой полнотой, как на итальянской почве.

Вырвавшись из-под опеки церковного мракобесия, свирепствовавшего на родине, Сервантес завершает своё образование в Италии. Ему становятся близки произведения Боккаччо, Тассо, Пульчи и других знаменитых итальянских писателей. Он побывал во многих городах Аппенинского полуострова, и в сочинениях Сервантеса, написанных впоследствии, например, в новелле «Лиценциат Видриёра», звучит неподдельная любовь к Италии. «Флоренция ему (т.е. Томасу Родахе, герою вышеназванной новеллы) понравилась красотой местоположения, обширностью и великолепием зданий, прекрасной рекой и тихими улицами». Или: «Красивый и чудесный город Генуя», «Великая Венеция» и т.д. и т.п. «Всё это он рассмотрел, – говорится далее о Родахе, – на всё обратил внимание и всё оценил, как следует». Но ведь так же было и с самим автором.

И все-таки спокойная должность секретаря не по душе деятельному юноше. Полгода спустя, получив из Мадрида свидетельство о «чистоте крови», Сервантес вступает простым солдатом в один из испанских отрядов, расквартированных в Италии. «Оружие влекло меня к себе, и я

последовал своей природной склонности», – в этих словах из «Дон Кихота» выражены в известной степени и чувства самого писателя, разделявшего взгляд современников на военную службу как на единственно достойное дворянина занятие.

2

Он попал в роту к смелому военачальнику Диэго де Урбине и в составе полка побывал в Ферраре, Анконе, Неаполе и других итальянских городах. Сервантес познал и парадную, и оборотную стороны армейского быта, о чем он потом точно скажет в «Лиценциате Видриере» словами некоего дворянина-вербовщика: он «...превзнес до небес свободную солдатскую жизнь и привольное житьё в Италии, но ничего не сказал про холод стояния на часах, про опасности штурмов, про ужасы битв, про голод осад, про разрушительную силу мин и про другие вещи в том же роде, которые иными считаются как бы привеском в тяготе солдатчины, а, в сущности, они-то и являются основным ее бременем».

Назревало столкновение с Турцией, чья армия домогалась господства в Средиземноморье, грабя острова и побережье Европы. Турецкий флот казался непобедимым. Корсары под флагом султана не давали проходу торговым судам. В ответ на происки Турции Испания, Венеция и Папа римский заключили союз. Во главе объединенных сил поставлен популярный в те годы Дон Хуан Австрийский, двоюродный брат испанского короля Филиппа II. «...говорили о каких-то необычайных приготовлениях к войне, все это воспламеняло мой дух и вызывало желание принять участие в ожидаемом походе» («Дон Кихот»).

В середине сентября 1571 года союзный флот, покинув Мессину, выходит в море. Сервантес попадает на галеру «Маркиза», которой командует бывалый капитан Хуан Андреа. 7 октября, в Лепантском заливе, у берегов Греции, произошла решающая битва, «величайшее из событий, какие когда-либо происходили в век минувший и в век нынешний и вряд ли произойдут в век грядущий», – как писал впоследствии Сервантес.

О том, как вел себя Сервантес в бою при Лепанто, нам известно по бесхитростным рассказам его товарищей по роте. Так прапорщик Матео де Сантистебан свидетельствует: «...да будет известно, что когда мы завидели турецкий флот и началась битва, означенный Мигель де Сервантес был болен, его трясла лихорадка. И тогда капитан галеры и я, очевидец всего, и многие его друзья сказали ему, что раз он болен, то лучше пусть остается внизу, в каюте. Но Мигель де Сервантес отвечал, что же о нем скажут потом? Что он не выполнил своего долга? Нет, лучше уж он умрет, сражаясь за бога и короля, чем покинет палубу».

галеры...». Другой свидетель и участник битвы, прапорщик Габриэль де Кастаньёда рассказывает, как капитан поставил Сервантеса во главе 12 человек и отвел им самое опасное место – защищать в шлюпке, привязанной к галере сбоку, борт корабля. Горстка солдат храбро отбивала атаки турок.

Вот как вспоминал этот день сам Сервантес:

*Участье в битве принимал и я,
Хоть слабым был бойцом, признаться надо.*

*Я видел, как багровая струя
Горячей крови красила пучину –
Смешалась кровь и вражья, и своя.*

*Я видел, как над водною равниной
Носилась смерть, неистово ярясь,
И тысячам бойцов несла кончину.*

Когда же «победный глас трубы» возвестил о разгроме турок, Сервантес испытывает прилив необыкновенной радости за свою родину:

*Мне праздником тот миг счастливый был.
Сжимал я шпагу правою рукою,
Из левой же фонтан кровавый бил.*

Две раны в грудь и одна в руку и, как результат, полный паралич левой руки. Но – победа! И не раз терявший сознание, истекающий кровью солдат ликует, как ликует вся объединённая армия, весь испанский народ. Только король холодно встречает известие о победе Дон Хуана: «Он рисковал слишком многим. Он выиграл битву, но мог и потерять её».

3

О последующей военной службе Сервантеса известно мало. Тяжело раненого, его привезли в Мессину, где он до весны 1572 года лежал в госпитале.

«9 числа текущего месяца (март 1572 г.) отдано распоряжение казначею Хуáну Морáлесу де Тóррес о выдаче Мигелю де Сервантесу 20 дукатов, по 11 реалов каждый, в счет жалованья, на завершение лечения от ран, полученных при Лепанто».

«29 числа текущего месяца (апрель 1572 г.) отдано распоряжение по флоту о направлении Мигеля де Сервантеса в полк Лóпе де Фигéроа, в роту, которую ему укажут, с жалованьем, увеличенным на 3 эскудо ежемесячно».

В июне-июле того же года часть Сервантеса едет из Южной Сицилии к острову Кóрфу, у берегов Греции, где в октябре участвует в бою при Наварíне, а потом зимует на острове. Потянулись нелегкие ратные будни, переезды с места на место.

«15 февраля (1574 г., в Неаполе) приказано по флоту о выплате Мигелю де Сервантесу, солдату роты дона Мануэля Пóнсе де Леóн 30 эскудо в счет жалованья...»

В 1574 году Сервантес участвует в неудачной экспедиции испанцев к Тунíсу и крепости Голéта. Победа при Лепанто, стоившая столь дорогих жертв, была бесплодна, ибо могущество турок не только не подорвано, но и возросло, а вот испанцы, несмотря на героизм терпят одно поражение за другим.

Хотя в официальных документах Сервантес называется среди лучших солдат, но повышений – нет, он даже не прапорщик, не знаменосец. И еще – парализованная рука. Сервантес понимал, что с такой рукой он – «неполноценный боец». В 1575 году вместе с младшим братом Родриго, тоже служившим в Италии, Сервантес решает поехать домой.

И вот день 20 сентября. Братья на борту галеры «Солнце». Еще две галеры рядом. Исчезает за горизонтом Неаполь. Уходит в прошлое полная опасностей трудная жизнь солдата. Впереди – Испания, и каждый миг приближает их к ней.

Рука Мигеля нашупывает в кармане пакет с письмами на имя Филиппа II. Письма от главнокомандующего Дон Хуана и вице-короля Неаполя герцога де Сéса составлены в самых лестных выражениях и содержат просьбу поручить Сервантесу командование одной из вновь формируемых в Испании рот, «ибо он достаточно этого заслужил своей испытанной храбростью, дарованьем и благородным поведением».

«Приняв меры предосторожности, мы тронулись в путь, держась берега и намеренно не забираясь в открытое море». Это из новеллы «Английская испанка», но именно так происходило все с самим Сервантесом.

День пути, второй, третий... «...Мы уже были уверены, что на рассвете следующего дня увидим берега Испании. Однако же счастье так просто почти никогда не приходит и безоблачным не бывает вместе с ним или же следом за ним непременно приходит несчастье, которое спугивает и омрачает его...» («Дон Кихот»). У расположенного близ Марселя мыса Трех Марий на испанские корабли напали турецкие галиоты. Две

испанские галеры успевают скрыться, но галера «Солнце» настигнута турками. Ее экипаж отчаянно защищался, но силы неравны.

Было 26 сентября 1575 года...

АЛЖИРСКАЯ ГЛАВА

*«Увы, друг Сипион, если бы ты знал,
какая жестокая вещь переживать
переход от счастливого состояния к
несчастному!»*

Сервантес «Новелла о беседе собак»

1

На глаза Сервантеса наворачиваются невольные слёзы, когда он завидел главный город вольной Алжирской республики, о котором потом скажет как о «язве всего Средиземноморского побережья, пристанище корсаров, прибежище и оплоте пиратов, что выходят на своих судах вот из этой малюсенькой гавани и держат в страхе весь свет...» («Странствия Персилеса и Сихизмунды»). Открывалась новая глава в заграничных мытарствах писателя, и нам она известна много лучше, чем другие этапы его жизни: до нас дошли документальные свидетельства, а также немало высказываний самого Сервантеса.

Алжир был провинцией обширной Оттоманской, т.е. Турецкой империи, управлявшейся назначаемым из Константинополя наместником-пашой. Местное население жило разбоем. Захваченная добыча и пленные делились между пашой и захватившим их ар-ра́исом-капитаном. Пленников продавали гребцами на турецкие корабли, увозили на другие невольничьи рынки или оставляли в самом Алжире – для тяжелых работ в городе или для выкупа. Предназначенных для выкупа помещали в специальные тюрьмы-баньос.

Сервантес стал собственностью страшного и хитрого пирата Али-Мамí, а его брат Родриго попал в лапы Рамада́н-пашы́. При Мигеле найдены важные письма. Он, конечно, высокая особа, за которую можно выручить крупные деньги. Так думает Али-Ма́ми, который, по словам одного из товарищей Сервантеса по плену, «привёз его, закованного в цепи, под усиленной охраною, избитого для того, чтоб он желал поскорее выкупиться, дав за себя хороший выкуп, и чтобы избежать той жуткой жизни, которую обычно устраивают мавры и турки для людей, подобных Мигелю де Сервантесу». В цепях и с обручем не шее его бросили в застенок. Королевская тюрьма, где сидит Мигель, состоит под охраной отборных гвардейцев-янычар.

Прежде Сервантес знал врагов по рассказам, видел их издали, на море. Теперь он живет в столице берберских пиратов, всё – рядом. На улицах Алжира кишит разноязыкая, пёстрая толпа – вольные и рабы, купцы и военные и мастеровые, турки, арабы, греки и люди других национальностей, даже выходцы из далекой Московии – «московиты». Купля-продажа совершается всюду. А по отношению к пленникам, рабам проявляется неслыханная жестокость. Их истязают голодом и холодом, сдирают кожу, разрывают лошаадьми на части. «Каждый день он кого-нибудь вешал, – рассказывается об одном из этих насильников, Гассан-паше, в «Дон Кихоте», – другого сажал на кол, третьему отрезал уши, и все по самому ничтожному поводу, а то и вовсе безо всякого повода... он человеконенавистник по своей природе».

В подобной обстановке, в этом аду, способном привести в отчаяние самое отважное сердце, Сервантесу суждено провести целых пять лет. Тут раскрылись лучшие свойства его души – сильная воля, патриотизм, чувство товарищества, неистребимый оптимизм. С ним рядом узники – люди разного звания и положения. И все они – ученый доктор Антонио Соса и скромный солдат Диего де Бенавидес, монах-кармелит Фелисьано Энрикес и капитан Доминго Лопино – тянутся к умному, стойкому человеку, обитателю застенка Али-Мами.

2

Уже весной 1576 года Сервантес делает первую попытку бежать. Подкупленный мавр повел его и его товарищей через пустыню в город Орэн, находившийся под властью Испании. Но через несколько дней проводник бросает их, испугавшись ответственности. Беглецам остается лишь одно – вернуться с повинной в Алжир, где Сервантес «был жестоко наказан своим хозяином и обречен пребывать в кандалах, в заточении, под особым надзором» (по свидетельству очевидца).

Однако один из беглецов сумел-таки добраться до Орэна и, очутившись в Испании, сообщил родным Сервантеса, что он и Родриго томится в плену. Сильно нуждавшиеся родители начали собирать деньги для выкупа сыновей. В ноябре 1576 г. мать Сервантеса подает прошение в Государственный Совет с просьбой о помощи. Чтобы вызвать сострадание высокопоставленных чиновников, подписывает себя «вдовой», хотя муж её был жив. К 1577 году набралась сумма, которой хватило, чтобы выкупить Родриго. В сентябре того же года Родриго уже в кругу семьи.

С возвращением Родриго в Испанию связаны чаяния самого Сервантеса. Родриго должен передать по назначению стихотворное «Послание Матео Васкесу». Васкес – это королевский секретарь, и Мигель наивно

полагает, что его рассказ о мучениях алжирских узников вызовет сочувствие Филиппа II:

*Я оглашаю стонами без счёта
Тюрьму, куда меня забросил рок,
Захлопнув пред надеждою ворота.*

*Сеньор, полна неслыханных страданий
Жизнь эта средь неверных дикарей.
Тут – смерть моих всех юных увлечений.*

Автор этого нехитрого, но волнующего стихотворения предлагает королю план всеобщего восстания рабов в Алжире при поддержке испанского флота извне:

*О государь, ключи в твоих руках
От страшной и безжалостной темницы,
Где столько лет в железных кандалах
15 тысяч христиан томится.
К тебе с надеждою обращены
Их бледные, заплаканные лица.*

Ответа, разумеется, Сервантес не дождался: королю было не до алжирских невольников...

Но Родриго должен привести в действие и другой замысел Мигеля, организовавшего группу в 14 человек для побега на родину. Скрывшись от турок, эта группа, к которой за 8 дней до срока присоединился и Сервантес, почти полгода живет в заброшенной пещере близ Алжира, поджидая корабль из Испании. В своей документированной книге, написанной к 1604 году (опубликована в 1612 году), историк Ажира Диэго де Аэдо так излагал этот эпизод: «О том, что происходило в пещере на протяжении тех 6 месяцев, что там жила горстка христиан, и о том, как их схватили, и как доблестно себя вел Мигель де Сервантес можно было бы написать особую историю».

28 сентября 1577 года испанский корабль действительно приблизился к условленному месту, но, замеченный местными рыбаками, поднявшими тревогу, удалился в море. А беглецов подло выдает предатель по кличке «Дорадор».

В последний день сентября в пещеру ворвалась толпа конных и пеших мавров и принялась избивать испанцев. Чтобы спасти товарищей, Сервантес всю вину взял на себя. «Никто из здесь находящихся хри-

стиан не виноват, – закричал он, выступив вперед, – я один всё организовал, я их толкнул на побег...» Под градом ударов и оскорблений, по улицам города, он препровождён к страшному Гассан-паше. Как утверждали очевидцы, никто не думал, что Сервантес останется жив, но грозный наместник ничего не сделал с зачинщиком побега, покорённый его смелостью. Летописец Аэдо приводит такие слова: «Гассан-паша, правитель Алжира, говорил, что его пленники, корабли и даже весь город останутся в сохранности лишь до тех пор, пока этот калека-испанец будет сидеть в заключении, настолько он боялся умыслов Мигеля Сервантеса». Гассан-паша купил Сервантеса для себя, чтобы обрести уверенность, и бросил его в подземелье. А садовник-мавр, помогавший испанцам, был повешен.

3

Мысли о бегстве по-прежнему владеют Мигелем, «...надежда обрести свободу никогда не оставляла меня и если то, что я замышлял, обдумывал и приводил в исполнение, успеха не имело, я не падал духом и тотчас цеплялся и хватался за какую-нибудь другую надежду, пусть слабую и непрочную. Это меня поддерживало в алжирском остроге...» («Дон Кихот»).

5 месяцев пробыл в суровом застенке Сервантес. В марте 1578 года он пишет в Оран письмо с просьбой о помощи. Но у самого Орана письмо перехватывают слуги Гассан-паши. Гонца забивают до смерти, а Сервантесу назначены две тысячи палочных ударов, но его вновь щадят.

В 1579 году в Алжире разразился страшный голод, смерть косила людей. И Мигель организовал еще одну попытку массового побега пленников. Он подговорил торговца Онофрэ Эксárке увезти до 70 человек на вооружённом фрегате. Но их открыл Гассану-паше гнусный монах-доминиканец Хуán Блánко де Пáс. Сервантеса разыскивают. И чтобы не ставить под удар жизнь торговца и узников, он сам приходит к наместнику. И в который раз Гассан-паша, лично допрашивавший Сервантеса, угрожавший ему виселицей, проявил милосердие. Говоря о зверином нраве этого человека, творец «Дон Кихота» не преминет отметить при этом: «Единственно, с кем он хорошо обходился, это с одним испанским солдатом, неким Сааведра, – тот проделывал такие вещи, что турки долго его не забудут, и все для того, чтобы выбраться на свободу, – однако ж хозяин мой ни разу сам его не ударил, не приказал избить его и не сказал ему худого слова, между тем мы боялись, что нашего товарища за самую невинную проделку посадят на кол, да и сам

он не раз этого опасался».

В это время родные Сервантеса прилагают большие усилия для спасения Мигеля. Пущены в ход все средства, чтобы обрести нужные для выкупа деньги. В мае 1580 года в Алжир прибывает специальная миссия из Испании для выкупа, узников. А Сервантеса Гассан-паша, покинувший свой высокий пост, намерен взять с собою в Константинополь. 19 сентября все готово к отплытию – рабы, в том числе и Сервантес, находились на борту. И лишь случайность уберегла для человечества великого писателя: у монахов из миссии не достало денег на выкуп важного испанского сановника. Зато их хватило, чтобы Сервантес обрел свободу.

Но прежде чем ехать домой, Сервантес решил разделаться с тем доминиканцем, который, как говорили, за горшок масла и золотой эскудо сорвал последнюю попытку узников бежать. Теперь этот человек, объявив себя агентом инквизиции, стал собирать всякие грязные сплетни против Сервантеса и его товарищей, угрожая им расправой в Испании. Как говорят документы, «Мигель де Сервантес сильно тревожился и не без оснований, что от этого типа можно ждать большой беды и даже гибели». 12 человек ответили на вопросы дознания, проведенного миссионерами по просьбе Сервантеса. И все они выступили против гнусного предателя Бланко де Паса, отметив при этом большую роль, какую сыграл в их судьбе Сервантес.

24 октября вместе с пятью другими товарищами Сервантес покинул Алжир, где, по его словам, он «успел научиться терпеливо сносить несчастья».

ВСТРЕЧА С РОДИНОЙ

«Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей; с нею не могут сравниться никакие сокровища...»

Сервантес «Дон Кихот», ч. II, гл. 58

1

«На следующий день они увидели перед собой желанную и горячо любимую родину. Веселье снова заиграло в их сердцах; новое, неиспытанное блаженство потрясло их души, ибо выйти после долгого плена живым и здоровым на берег своего отечества – одна из самых больших радостей нашей жизни». Эти строки из новеллы «Великодушный поклонник» как нельзя лучше передают чувства, пережитые самим Сервантесом в те незабываемые часы.

В испанском городке Дения бывшие узники пробыли несколько дней. Отсюда традиционной процессией они двинулись в Валенсию, одетые в синие, без воротников, невольничьи куртки, обросшие бородами, с цепями на руках. Толпы народа сопровождали их в пути. Из Валенсии после торжественной по случаю освобождения мессы всех отпустили домой...

В середине декабря 1580 года Сервантес уже в Мадриде среди родных. В доме старого лекаря – счастье. Вернулся Мигель – теперь всё будет хорошо. Сам Мигель испытывает душевный подъём, в голове роятся планы на будущее. Он, солдат Лепанто и узник Алжира, найдёт себе достойное применение в мирной, свободной жизни.

В планах Сервантеса своё место занимала литература. К ней неодолимо влекло. И хотя в обращении к читателям «Галатеи» он говорит о «нашем, в общем весьма неблагоприятном для поэзии времени», это сказано в том смысле, что в мире великих событий голос поэзии слышен негромко. Но Сервантеса это не смущало: даже в невыносимых, казалось бы, условиях Алжира, он отводил душу, сочиняя. «...мне известно, что он много раз сочинял стихи, – свидетельствует его друг по плену доктор Соса, – некоторые он сам читал мне, а другие давал почитать».

Радость встречи у домашнего очага была недолгой. Состарились родители. Совсем оглох отец – от лекарских обязанностей пришлось

отказаться. На выкуп Родриго и Мигеля ушли все средства. Случайными заработками – шитьём, стиркой – перебивались сёстры. И первые попытки Сервантеса найти себе дело кончились крахом. Лепанто, Дон Хуан, Алжир звучали ныне пустым звуком. Филипп II был весь поглощён завоеванием соседней Португалии с её громадными колониями. И в мае 1581 года Сервантес появляется в португальском городке Томара, где находилась ставка испанского главнокомандующего. 21 мая король посылает Сервантеса с поручением в крепость Оран. Но уже 26 июня Мигель через Картахену возвращается домой. И это всё, чем Филипп II отблагодарил доблестного солдата. С военной карьерой пришлось расстаться навсегда.

2

Возможно, ещё в Алжире возник у Сервантеса замысел романа «Галатэя».

Действие происходит на берегах реки Тахо, среди цветущих долин, полян и рощ. Главная героиня, по имени которой названо произведение, любима двумя пастухами Эрастро и Элисо. Но отец собирается отдать ее замуж за некоего богача. Галатэя в отчаянии, она просит Элисо помочь предотвратить этот брак. Что произошло потом, составило бы, по-видимому, сюжет второй части романа, которая, однако, так и не была написана, хотя Сервантес мечтал об этом до конца жизни.

Содержание книги, ныне известной лишь немногим специалистам, пересказывать трудно, так как проза по ходу действия перемежается со стихами, а отдельные эпизоды, не связанные друг с другом, то и дело перебивают основное течение романа. Легко заметить, что это не настоящие пастухи и не настоящая деревня. Никто не трудится, а по своему изысканному языку и обращению герои больше напоминают кавалеров и дам, и говорят они только о чувствах, о любви и дружбе. Сам Сервантес, впрочем, предвидел, что его станут критиковать за нереальность изображённого. Он писал, обращаясь к читателям: «Если принять в соображение, – а в книге я на это не раз намекаю, – что многие из моих пастухов – пастухи только по одежде, то подобное обвинение отпадет само собой». Почему же писатель, который в своих злоключениях приобрёл большой опыт настоящей, неприкрашенной жизни, обратился к такой условной манере повествования, занялся ненужным переодеванием героев?

Следует учесть то обстоятельство, что Сервантес только начинал серьёзно заниматься литературным творчеством, а всякий начинающий в любой области отталкивается, как правило, от предшественников, при-

бегают к формам, выработанным до него. И что касается «Галатеи», то этот роман писался по законам пасторального, т.е. пастушеского жанра, весьма популярного в эпоху Возрождения в Испании и в других странах. Несмотря на свою оторванность от действительности, этот жанр в лучших своих образцах нес прогрессивное начало. Проповедь нравственной чистоты, превосходство природы и простой сельской жизни над пороками города, пафос добра и естественности в противовес надуманным чувствам – вот что было главным для Сервантеса.

Вот, например, довольно характерный в этой связи сонет из 6 книги романа:

*Кто не желал бы в тишине лугов
Внимать ручья журчанью меж цветами?
Кто не стремился б легкими шагами
Гнать зайцев и клыкастых кабанов?
Кто не манил бы птиц, лесных певцов,
Искусными свирельными ладами?
Кто б, истомлён полдневными лучами,
Не предпочёл дремать в тени дубров, –
Чем выносить гнев, бешенство, тревоги,
Пожар, мученья, ревность, ярость гроз
И прочие любовные невзгоды?
Нет, мне милее сельский кров убогий,
Оковы только из цветущих роз.
Рожден свободным, я хочу свободы.*

Сервантес ясно видел недостатки пасторального жанра, но знал и о его известных достоинствах. «Кое-что в его книге придумано удачно», – говорит один из персонажей романа «Дон Кихот» и тем спасает «Галатею» от позорного сожжения. Не только стихи, но и проза «Галатеи» отличается плавностью, ясностью, изяществом.

В романе есть эпизоды, отражающие личные моменты из биографии писателя, например, пленение алжирскими пиратами. Да и в героях произведения Сервантесом выведены реальные лица: в образе пастуха Лаусо – сам автор, в остальных «пастухах» – члены литературного кружка, к которому в это время примкнул Сервантес, писатели Фигёроа (Тирси), Линьян (Рисéло), молодой Лопе де Вега (Белáрдо) и т.д.

Видимо, тогда же Сервантес себя пробует как новеллист. В основу

самой ранней из дошедших до нас новелл писателя «Великодушный поклонник» положен действительный факт разгрома турками принадлежавшего Венеции острова Кипр и разрушение его столицы Никосии в сентябре 1570 года.

«О, жалостные развалины несчастной Никосии, омытые еще не высохшей кровью доблестных, но злополучных защитников! – обращается с холма к разрушенному городу невольник-итальянец по имени Рика́рдо. – Если бы вы, бесчувственные, вдруг стали чувствительными, мы смогли бы тогда вместе в печальном одиночестве оплакать свои злоключения». И подошедшему другу Махамúду он рассказывает «запутанный лабиринт» своих «бедствий». О том, как в родном городке полюбил он необыкновенной красоты девушку Леонису, «которую поэты воспевали в стихах, заявляя, что ее волосы – золото, глаза – два блистательных солнца, ланиты – пурпурные розы, зубы – жемчужины, губы – рубины, шея – алебастр и что все части в целом и целое с частями образуют дивную и непогрешимую гармонию, которую природа наделила такой естественной и совершенной нежностью красок, что сама зависть не умудрилась бы найти в ней ни единого, самого легкого пятнышка...». О том, как Леониса не замечала ухаживаний Рика́рдо, влюбленная в щеголеватого, холеного Корнелио, и как её и Рика́рдо схватили однажды пираты.

Немало приключений приходится им пережить в плену у турок. Только любовь спасает их, и они возвращаются на родину. И тут великодушный Рика́рдо подводит Леонису к Корнелио: «Смотри, Корнелио я вручаю тебе сокровище, которое ты должен ценить превыше всех благ, почитаемых на свете...». Но теперь сама Леониса, вполне оценив душевные свойства Рика́рдо, предпочла его, а не Корнелио. «Все остались довольны, свободны и радостны...». Так кончается эта история, в которой Сервантес, в несколько условной и приподнято-поэтической форме, воплотил лучшие человеческие черты.

В 80-е годы XVI века вступил в пору расцвета испанский театр. Бродячие труппы, представления которых мальчиком смотрел Сервантес, сменяются теперь постоянным театром, действующим в специальных помещениях – корра́лях (т.е. «дворах»). Драматурги и актеры-профессионалы, отбрасывая устаревшие правила классицизма, основанные на античных образцах, ищут новых путей в искусстве сцены...

Сервантеса часто видят за кулисами. Он находится в дружеских отношениях с директорами и актерами театров – Херóнимо Велáскесом, Алóнсо де Морáлесом, комическим актёром Томáсом Гутьéрресом и другими. Он чувствует оживление в мире театра, ему по душе усложнение театральной техники, а главное – зритель, который с ликованием

встречает всякую удачную пьесу.

«В то время, – вспоминал на склоне лет Сервантес, – я написал комедий двадцать или тридцать, и ни одну из них зрители не потчевали ни огурцами, ни какими-либо другими метательными снарядами, – их представления не сопровождалось ни свистом, ни криком, ни перебранкой». Напротив, их встречали неизменно «восторженные и дружные рукоплесканья зрителей».

Из ранних пьес Сервантеса до нас дошли немногие. В пьесе «Алжирские нравы» он запечатлел историю двух супругов в алжирской неволе. И хотя их хозяева ставят им всякие препоны, любовь побеждает всё, а Аурелио и Сильвия (так их зовут) получают свободу. Верность чувства, доброта сильнее зла. В этом суть пьесы.

Но у драматурга была и другая цель – постановкой пьесы на такую тему помочь тем, кто еще находился в плену, привлечь к их судьбе внимание испанской общественности. Впечатления, вынесенные писателем из алжирской каторги, найдут отражение на страницах многих его сочинений, в том числе и в этой пьесе, в которую он вставляет сцены страданий невольников, жестокости пиратов, т.е. всего пережитого им лично.

Вот как происходит продажа христианской семьи на невольничьем рынке, во время которой сына, купленного купцом, разлучают с родителями:

Сын.

Нет, я не брошу мать с отцом!

Мать.

Ступай, сынок, мой ненаглядный,
Послушен будь, ты ж куплен им...

Сын.

Как? Ты отдашь меня чужим?

Мать.

О небо, как ты беспощадно!

Купец.

Ну, ну, идем, малыш, не трусь!

Мать напутствует мальчика последним словом, а он все никак не поймет, что прощается навсегда:

Сын.

Да неужели же, родная,
Я должен с маврами уйти?

Отец.

Надежда дней моих, прости!

Сын.

Боюсь идти, куда – не зная.
Мне страшно!..

В начале 80-х годов (1582 г.?) Сервантес создает знаменитую героическую трагедию «Нумансия». По-видимому, чувство любви к своей родине, а также горечь от неудач, преследовавших испанскую армию на европейском и других театрах военных действий, навели его на мысль обратиться к эпизоду из древней истории Испании – героической обороне крепости Нумансия, осажденной и захваченной римлянами в 133 году до н.э. С огромным трудом завоеватели сломили сопротивление горожан, немногих, кто остался в живых, продали в рабство, а город разрушили.

Сервантес неточно следует реальным событиям, многое изменяет, подчиняя факты своему замыслу. Вот перед римскими солдатами появляется новый полководец Сципион и стыдит их за то, что уже столько лет они не в силах одолеть нумантинцев:

*Позор для нашей доблести военной,
Что год за годом, нам чиня досаду,
Испанцев горсть с усмешкой дерзновенной
Выдерживает римскую осаду!*

Трудно Нумансии, город в блокаде врагов... Начинается голод, умирают жители. На сцену выходит дева, олицетворяющая Испанию, и говорит о нелегкой судьбе страны, ибо во все времена попирали ее угнетатели:

*Ужель мне суждено навек остаться
Рабыней чужеземного народа
И, хоть знамена реют, не дожидаться
Заветных слов: Испанская Свобода?*

Великое будущее ожидает Испанию, но сейчас конец города неми-

нуем.

Гибнут нумантинцы, сжигая дома и имущество, чтоб не достались римлянам. На крепостной стене стоит последний житель – мальчик. Со стены он клеймит Сципиона, обещавшего сохранить ему жизнь, а потом бросается вниз...

После 1580 года Сервантес часть времени проводит в Мадриде у родителей, а часть – в Вальядолиде с сестрами Магдаленой и Андреей. Осенью 1583 г. с Магдаленою он закладывает в ломбард остатки семейного скарба.

В декабре 1584 года он женится. 19-летняя жена из небогатой дворянской семьи принесла скромное приданое, которое не могло смягчить материальные невзгоды.

13 июня 1585 года умер престарелый отец. Мигель сделался главой семьи. Ему, вероятно, не хотелось оставлять литературное поприще. Но гонорар от «Галатеи» и пьес был ничтожен и непостоянен, и здравый смысл подсказывал, что нужно было что-то предпринимать.

Уже с декабря 1585 года Сервантес появляется в Севилье как агент в финансовых операциях коммерсантов. В его будни входила властно проза жизни. «Но потом, – закончит он свои воспоминания в 1615 году, – меня отвлекли другие дела, я отложил в сторону перо и комедии...»

ИМЕНЕМ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

*«Не раз, когда вскарабкаться бывало
На колесо фортуны я хотел, Оно ка-
призный бег свой прекращало»*

Сервантес «Путешествие на Парнас»

1

В 1587 году Сервантес принял решение поселиться в Севилье. Семья оставалась в Мадриде, жена находилась в ее родном городке Эскíвиас. А Мигелю предоставил кров его друг, бывший актер, а ныне содержатель одной из лучших в Севилье гостиниц Томас Гутьеррес...

В XVI-XVII веках Севилья была богатейшим городом Испании, одним из ее хозяйственных центров, кипучим портом. Поэт Луїс де Гóн-гора писал о Севилье:

*Вавилон для всей Испании,
Карта мира всех народов,
Где фламандец Гента образ,
Англичанин же зрит Лондон;
Это лестница в Свет Новый,
Чьи ступени блеска полны,
Серебром сверкают, златом –
Корабли большой оснастки.*

Через Севилью осуществлялась торговля с заморскими владеньями испанской монархии. Здесь загружались суда, направлявшиеся во многие части света.

Город был средоточием разного люда, стекавшегося сюда в поисках удачи. В нём царил дух делячества и корысти. Обман, засилье власть имущих, неприкрытость нищеты характеризовали Севилью. «Во всех отношениях Севилья является одним из самых пропащих и безнадежных городов, какие только числит в своих владеньях его величество, – говорится в одном послании 1600 года. – Здесь нет никакого порядка в управлении, мало правды, мало стыда и страха божия, еще меньше честности; никто не добивается своих прав без подкупа, ... всё служит предметом купли и продажи... Каждый стремится обделать свои делиш-

ки. Бедные продолжают изнывать в бедности, богатые насыщают свою ненасытную алчность, а в Севилье не меньше разбойников, чем в Сьерра-Морéне».

В 1586-1587 годах испанский король усиленно готовится к тому, чтобы окончательно сокрушить своего злейшего врага – Англию. В портовых городах собирается огромный флот, по стране проходит мобилизация войск. Организуется служба снабжения экспедиционной армии или, как ее называют, Непобедимой Армады. Провиант изыскивался у населения Андалузии. Одним из 4 комиссаров, занимавшихся этой неблагодарной и опасной работой, с начала 1587 года стал Сервантес.

Он живет в гостинице у Томаса Гутьерреса, где останавливаются люди разного положения и звания, – торговцы из Италии и простые солдаты из Фландрии, знаменитые бандиты, герцоги Альба и Осуна, папские легаты и инспекторы галерного флота, инквизиторы и гранды Сервантес оказывается в подобном окружении, но он, впрочем, редко бывает в своей комнатёнке под самой крышею. Чаще он находится в отъезде.

2

Месяцами ездит Сервантес по скверным Андалузским дорогам из местечка в местечко на усталом коняге. Рядом с ним альгвасил³ – его помощник, а то и защита.

Служба состоит в следующем. Сначала решалось, сколько пшеницы, ячменя или масла должен дать тот или иной город, село. После чего об этом сообщали местным властям, которые сами должны распределить это количество среди жителей и ко времени прибытия провиантского комиссара изъять продовольствие.

Жители не желают расставаться с зерном, тем более, что берут его по заниженным ценам, а, главное, комиссар почти никогда не платит наличными, а отделяется справкой об изъятии. И тут начинается страшное – силою открываются двери. Тех, кто сопротивляется, бьют и упрятывают в тюрьму. Альгвасилы и писцы зорко стоят на страже, пока выносят реквизированный хлеб. Плачут женщины, кричат дети, то и дело вспыхивают драки, в адрес грабителей-комиссаров летят из толпы проклятия.

Комиссаров ненавидят, считая их язвою общества. Сервантес не раз заклеивает их в своих сочинениях. И сам Филипп II в королевском указе 1593 года отметит «ущерб и насилия, чинимые по обыкновению прови-

³ Альгвасил – низший полицейский чин в Испании

антскими комиссарами и альгвасилами моего галерного флота вассалам и земледельцам Андалузии...», но оправдывает это необходимостью...

Сервантес знал, на что шёл, знал об атмосфере враждебности, окружавшей фигуру комиссара, знал и о скудном жаловании (12 реалов в день), которое к тому же выплачивается с большим запозданием. Но выхода нет. И нужно собрать волю в кулак, чтобы вынести то, что приходится каждодневно видеть.

Осенью 1587 года он совершает удачную поездку за пшеницей в городки Кáстро дель Рíо, Ла Рáмбла и другие. В январе 1588 года он отправляется в Эсíху за оливковым маслом. Город уже опустошён предыдущими поборами. И Сервантес заставляет насильно открыть амбары, принадлежавшие севильским церковникам, и конфискует пшеницу и ячмень. Духовенство Севильи и Эсихи пришло в гнев от неслыханного посягательства и Сервантеса отлучают, было, от церкви. Как здесь не вспомнить ироническое: «Мы наткнулись на церковь, Санчо», – из второй части «Дон Кихота».

В июне он снова едет в Эсиху, где находится до самого 1589 года. Пшеница, заготовленная там, оказалась «очень низкой по качеству, тронутой жучком». Зато в Марчéне удаётся достать хорошего масла. В Кастро дель Рио повторяется история, подобная той, что в Эсихе. Пономарь местной церкви отказался выдать комиссару церковную пшеницу и Сервантес вынужден посадить его в тюрьму. Из Кордовы тотчас последовало вторичное отлучение Сервантеса от церкви...

Где-то у Севильи, плотая пыль дорог, уже осенью, он слышит весть о национальной трагедии: Непобедимая Армада потерпела сокрушительное поражение от флота ее величества Елизаветы Английской. Остатки испанской эскадры бурей разбросало в Северном море. Немногие вернулись на родину.

Народ тяжело переживает катастрофу, потрясшую могущество Испании. На разгром Армады Сервантес откликается одой, оплакивая гибель сыновей: «О Испания, наша мать...»

А работа с каждым днем все трудней, а жизнь – печальней. В 1589 году Сервантес уходит из гостиницы своего друга Гутьерреса, которому столь многим обязан. Он не может больше жить в кредит. А тут назревают неприятности по службе. Городской совет Эсихи утверждает, что Сервантес, «как это всякий знает, присвоил себе по должности в 1587 и в 1588 годах неподобающие полномочия». В 1589 году на него вновь падают подозрения в утайке провианта. Сервантес принимает обвинения в открытую, требуя провести публичное расследование: «Я прошу городской совет огласить его результаты во всеуслышание прямо на площади, чтобы каждый мог убедиться, сколько пшеницы и ячменя

взял я у жителей».

3

Сервантес устал от переездов, от ночевки на постоянных дворах и столкновений с населением и местными властями. На службе никакого просвета, жалованье не выплачивается годами, да и его собираются снизить.

Сервантес делает попытку изменить положение. 21 мая 1590 года он обращается с письмом в Совет по делам Индий (т.е. испанских колоний в Америке). «Сеньор, – обращается он к королю Филиппу II, – в течение 22 лет Мигель де Сервантес Сааведра служит Вашему Величеству во всех делах, происходивших на море и суше...». И он называет Лепанто, крепость Голету, Наварин, Алжир и Португалию, продолжая: «...и в течение всего этого времени ему (т.е. автору прошения – ВЧ) не оказано никакой милости. Он просит и покорно умоляет Ваше Величество, ... оказать ему внимание и предоставить какую-нибудь должность в Индиях из тех трёх или четырёх, что ныне пребывают вакантными...». Речь идет о постах казначея или администратора в Гватемале, Боливии, Колумбии и т.наз. Новой Гренаде.

Обыкновенно очень медлительная бюрократическая машина Мадрида на сей раз проявляет удивительную быстроту. В ответе на прошение говорится: «Поискать здесь, в чем бы оказать ему милость». И хотя Сервантес просит совсем немногого: проявить инициативу и способности в каком-то стоящем деле, иллюзии лопаются в один миг после иронических, ледяных слов короля. Для Мигеля это действительно удар: вековая гордость идалго, честь солдата ущемлена бессердечием режима, во имя которого Сервантес положил столько сил...

А государственная служба требует отчетов о поездках, о делах. Приходно-расходная документация, итоги казначейских ревизий – сквозь сухие цифры и официальные фразы редко-редко проскользнет нечто личное. Вероятно, материальное положение Сервантеса было невыносимое. В июле 1590 года он просит жену и сестру Магдалену собрать для него долги с некоторых лиц. 3 ноября он обращается к начальству с просьбой выделить ему отрез самой обычной ткани, чтобы прикрыть тело.

В 1591-1592 годах Сервантес выезжает за фуражом в Ардалес, Линнарес, Эстену и многие другие городки Андалузии. В августе 1592 г. вместе с помощником он силою открывает общественные амбары в местечке Тэба и конфискует ячмень и пшеницу. Снова его обвиняют в неадекватности. Жалованье снизили с 12 до 10 реалов в день. В 1591 году еще

не получено жалованье за 1589 год...

5 сентября 1592 года Сервантес заключает с актером Родриго Осóрио договор, по которому обязался поставить несколько пьес для сцены, «лучших в Испании», как говорится в документе. Среди унылых буден он не теряет надежды писать, верит в свое призвание. И – обманывается. Две недели спустя коррехидор Эсихи потребовал от Сервантеса возместить городу 300 фанéг⁴ пшеницы, которые тот якобы незаконно изъял. Сервантеса сажают в тюрьму...

В 1594 году система снабжения флота реорганизована. Многие комиссары оказываются без работы. А Сервантес получает место сборщика налоговых недоимок. В кармане у него предписание от самого короля. В предписании сказано: «Дон Фелипе, король божьей милостью и т.д. Да будет известно вам, Мигель де Сервантес, что... в королевстве Гранада мне пребывают должны налоги Алькабáла, Тёрсия и другие по первый квартал текущего 1594 года... и я повелеваю, чтоб Вы, облечённый высокой властью моего имени, отправились в указанные города и села и прочие места, где возникнет в том надобность, и потребовали у моих казначеев и агентов и всякого иного люда то, что положено им уплатить, и чтоб положенное было незамедлительно уплачено, без учинения Вам каких-либо помех и препятствий...».

С этим грозным предписанием Сервантес побывал с августа 1594 года в Гва́дисе, Ба́се, Ро́нде, Ло́хе и других местечках, завершив сбор денег к концу года. Деньги переданы севильскому банкиру с тем, чтобы тот перевел их в королевскую казну Мадрида. Но деньги по назначению не пришли. Банкир Фре́йре де Л́има объявляет о своем банкротстве. И хотя власти сумели изъять у него подавляющую часть суммы, но обнаруживается недостача и в ней заподозрен Сервантес.

Его отстраняют от службы...

Как он жил в эту горькую пору, оставшись не у дел, неизвестно. Видимо, не раз его посещают безрадостные мысли, подобные тем, которые вскоре запестрят в его произведениях: «Несчастливого несчастья ищут и находят, даже если бы он от них спрятался в отдаленнейший угол земли» («Новелла о беседе собак»); или: «Блажен тот, кому небо посылает кусок хлеба, за который он никого не обязан благодарить, кроме самого неба!» («Дон Кихот»). Не исключено, что Сервантес мог быть среди тех, кто ежедневно получал в монастыре Сан Херóнимо миску даровой похлебки, раздаваемой монахами нищим. «Всяко бывает на свете, – ну, а голод иной раз толкает сочинителей на такие вещи, которые не во всякой книге написаны». («Цыганочка»).

⁴ Фанéга – мера сыпучих тел, 55 с половиной литров.

7 мая 1595 года Сервантес выходит победителем на поэтическом турнире города Сарагоса, где отмечалась канонизация одного святого. Премией за его стихи, занявшие первое место, стали... три серебряных ложки! Для голодного человека это как ирония судьбы.

В сентябре-декабре 1597 года влачившего жалкое существование Сервантеса всемогущее правосудие заточило в тюрьму по делу о недоимках.

4

Севильский период биографии Сервантеса исключительно важен в духовном становлении писателя. Его скитания по стране в 80-90-е годы дали ему огромный фактический материал. Наблюдения, вынесенные из встреч с людьми разного чина и положения, знакомство с жизнью народа, раздумья, вызванные собственными злоключениями, – все это вело Сервантеса к реализму и сатире.

Тон его сочинений севильского времени резко меняется к концу 1590-х годов. В 1596 г. англо-голландский флот под командованием графа Эссекса подошел к портовому городу Кадис – второму после Севильи центру заморской торговли Испании и высадил там десант. Две недели вражеские солдаты занимались повальным грабежом, а в это время испанский генерал Медина-Сидония, с трудом оторвавшись от охоты в своем поместье, выжидал с войсками поодаль и вступил в Кадис лишь когда корабли Эссекса скрылись за горизонтом. Этот «подвиг» бездарного командующего, виновного и в гибели Непобедимой Армады в 1588 году, Сервантес высмеял в сатирическом сонете:

*Земля вздремала, небо помрачнело,
Грозь весь свет преобразить в руины,
И в Кадис наконец, расчислив время, –
Лишь граф исчез, – бесстрашно и пресмело
Вступил с триумфом герцог наш Медина.*

Осенью 1598 года умер Филипп II. Пышными церемониями было отмечено в стране это событие. В севильском соборе городские власти воздвигли грандиозный, украшенный лепными аллегориями, богатыми тканями и прочей дорогостоящей бутафорией траурный катафалк. Полубоваться на сооружение, на которое ушла уйма денег, а также позлословить по адресу перессорившихся между собой строителей бесполезной церемонии стекались толпы народу. 19 декабря, по свидетельству севильского летописца Ариньо, «какой-то бахвал поэт вошел в

собор и прочитал там сонет о величии королевского катафалка...». Этим поэтом был Сервантес, а вот и сами стихи, приводимые в своей летописи Ариньо, что говорит о их популярности:

*«Клянусь я богом, сколь страшна махина!
Опишет кто её, тому – дублон.
Кого не поразит сей пышный дом,
Богатство редкое гробницы-исполина!*

*Христос свидетель, здесь что ни деталь,
То миллионов стоит и как жаль,
Что это не на век – на миг всесильно
Порадовать великую Севилью.*

*Готов я спорить, покойника душа
С небес слетит, чтоб чудом насладиться.
Гробница, право, очень хороша!»*

*– Солдат так говорил, и вдруг
Ему в ответ какой-то удалец:
«Ты правильно заметил, друг,
А кто иначе думает, тот лжеец».
Поправил шляпу, шагу сжал без слов,
Взгляд бросил искоса и – был таков.*

Что толкнуло Сервантеса публично выступить с этой злой сатирой не только на севильские порядки, но и на мишурное великолепие разлагавшейся монархии? По-видимому, резко критическое отношение владело им в то время, что и выразил он в насмешливом диалоге солдата-инвалида и удалого парня из толпы. Сервантес очень гордился этим сонетом, вспомнив о нем в поэме «Путешествие на Парнас».

В севильскую пору написано Сервантесом несколько пьес, в том числе маленьких одноактных интермедий, например, «Вдовый мошенник», «Избрание алькальдов в Догансо», в которых автор представил сценки из мира преступников (в первой), нравы сельского захолустья с его тупостью и корыстью (во второй). На севильском материале строится действие и других, позднее написанных, драматических произведений: «Блаженный негодник», «Пéдро де Урдемáлас».

Для нас интереснее «андалузская» проза Сервантеса, его новеллы этих лет, в которых он выступил великолепным бытописателем и критиком социальных явлений и которые подводят нас непосредственно к

«Дон Кихоту».

Видимо, в конце 1580-х гг., в промежутке между поездками по Андалузии, появляется из-под пера писателя рассказ «Ревнивый эстремадурец». Старый богач Каррисалес в любви к своей жене, молодой Леоноре, доходит до того, что запирает её от людских глаз за стенами дома. Но об этом узнает городской щеголь Лоайса и хитростью, перед которой не властны запоры и стены, проникает в дом и добивается благосклонности Леоноры. Семья разрушена, а Каррисалес наказывает неверную жену, предоставив ей... полную свободу.

Сервантес запечатлел в новелле распад патриархального семейного быта с его строгостью. По правилам кодекса дворянской чести Каррисалес должен был за «поругание» убить соперника на дуэли. Писатель-гуманист вместо кровавой мести провозглашает естественность и свободу.

Иное содержание у новеллы «Ринконете и Кортадильо». На постоянном дворе, по пути в Севилью, встретились два мальчугана. Оба они в лохмотьях, лица обожжены, руки грязны, на боку самодельные ножи, торчат колоды игральных карт. Между ними происходит разговор:

– Откуда бы родом, благородный сеньор, и куда держите путь?

– Родины своей, сеньор кавальеро, – ответил другой, – я не знаю; не знаю также, куда путь держу.

Мальчики бежали из дому в поисках лучшей доли, как бежали в те годы по всем направлениям толпы бродяг. Они обирают доверчивых людей, а в Севилье собираются попытать счастья в качестве носильщиков мелкой клади. Ребята с удивлением узнают, что все городские мошенники организованы в союз, возглавляемый Мониподьо. Станные вещи слышат мальчики от проводника: «Да, – я вор, – и делом своим служу богу и добрым людям, но я ещё не очень опытный и отбываю пока что год послушничества».

«В первый раз слышу, что бывают на свете воры, которые служат богу и добрым людям!» – думает Кортадильо.

В организации воров дело поставлено на солидной основе. Вся деятельность регулируется особым уставом. Часть краденого предназначается для церкви – для замаливания грехов; часть идет на подкуп полицейских и судей – зато и те стараются не беспокоить мошенников. Воры и убийцы люди набожные; они одеты, как порядочные люди; все у них чинно, благообразно, как у всех...

На одном из списков новеллы есть красноречивая приписка: «Случай, происшедший в Севилье в 1589 году». Так ли это, мы не знаем. Но что это настоящая, без прикрас, севильская жизнь конца XVI века, это верно. Такой воровской союз на самом деле был, даже дом найден в

Севилье, где могли происходить описанные в новелле события.

Сервантес показал себя мастером развивавшегося «плутовского» жанра литературы, изображавшей обнаженно жизнь бродяг, «пикаро», как называют их в Испании. Смысл этой замечательной новеллы прозрачен: воровство повсеместно, оно стало привычным, оно пронизывает все испанское общество. И вместе с тем это жесточайшая сатира на лицемерие и благочестие, которое, как следствие католического фанатизма, стало одним из главных пороков общественной жизни Испании...

В 1602 году казначейство потребовало с Сервантеса почти 80 тысяч мараведí⁵, недостающих якобы с поры его службы по сбору налогов. А у писателя нет средств на еду и одежду. И вновь, уже в третий раз он – в тюрьме, в знаменитой Королевской тюрьме Севильи, мрачной, с загонями для узников и узаконенным подкупом надзирателей.

В одиночестве камеры, среди гомона набитой преступниками тюрьмы, в тысячный раз думает Мигель о странной своей судьбе, о причинах, которые привели его сюда. «Каждый сам кузнец своего счастья», – эту старинную сентенцию римлянина Саллюстия Сервантес примеряет к своей жизни. Так ли это? Ведь он делал все, что в его силах, чтобы выбиться, стать на ноги, и не его вина, что события складываются иначе. Конечно, другой бы утратил всякую веру после пережитого, но только не он. «Нет такого несчастья, которое могло бы сокрушить уничтожить надежду», – скажет он впоследствии.

Помогает и идея о новом романе, возникшая у Сервантеса уже давно и обрастающая всё новыми картинами, деталями, лицами.

В конце 1602 года Сервантес выходит на свободу, унося с собой первые главы знаменитого романа «Дон Кихот». В январе следующего года он уезжает из Севильи.

⁵ Мараведí – старинная испанская монета.

ЗРЕЛОСТЬ

«Подобно как солнечный луч ярче сияет во мраке, так же точно надежда выходит из испытаний еще более твердой, отчаиваться же свойственно существам малодушным...»

Сервантес «Странствия Персилеса и Сихизмунды»

1

В феврале 1603 года Сервантес поселяется в Вальядолиде, ставшем по воле королевского любимца герцога Лёрмы новой столицей монархии. Рядом с Мигелем его сестры, племянница, а также 20-летняя внебрачная дочь Исабэль. Жена писателя продолжает жить в Эскивиасе, где бывает и Сервантес, находясь в разъездах по делам негоциантов. Не стало матери, умершей, когда еще он находился в Севилье. Печальное известие приходит из далекой Фландрии: в июле 1600 года в битве под Ньюпортом пал брат Сервантеса Родриго, храбрый человек, за 30 лет армейской службы дослужившийся лишь до чина прапорщика.

С переходом в ранг столицы жизнь провинциального Вальядолида заметно оживилась. С переездом двора здесь собирается высшее общество. Идет большое строительство. Дельцы, торговцы, деятели культуры стремятся в Вальядолид. С некоторыми из появившихся здесь литераторов у Сервантеса складываются дружеские отношения – с поэтом Педро Лайнесом, известным сатириком Франсиско Ксведо, Висенте Зпинелем, братьями Архенсола и другими.

Весь свой досуг Сервантес отдает захватившей его работе над «Дон Кихотом». Работает напряженно, вдохновенно и к июню 1604 года завершает первую часть романа. О нем, еще в рукописи, знают в столице: не очень лестно отзывается о произведении своего собрата по перу Лопе де Вега. Не слишком верит в книгу ее издатель Роблес: роман, увидевший свет в январе 1605 года, напечатан на плохой бумаге, с массой типографских опечаток.

Но успех превосходит все ожидания – книга раскупается нарасхват, появляются переиздания (до 1614 года, когда публикуется вторая часть романа, 11 переизданий!), множатся переводы за границей. И, конечно,

сам Сервантес после стольких лет молчания и невзгод, переживает чувство, о котором говорит главный герой произведения: «Ничто не может доставить человеку добродетельному и выдающемуся такого полного удовлетворения, ...как сознание, что благодаря печатному слову добрая о нем молва еще при его жизни звучит на языках разных народов».

О жизни Сервантеса до лета 1608 года сведения весьма скудны. Исключение составляет история с судебным делом, вторгшаяся в будни семьи в июне 1605 года. В понедельник, 27 июня, все было, как обычно. Жильцы дома, где Сервантесы снимали комнаты, готовились ко сну. Около 11 часов вечера, когда писатель находился в постели, с улицы донеслись крики о помощи. Выбежавшие домочадцы нашли при свете свечей у двери истекающего кровью человека. Сервантес вместе с сыном соседки втащили раненого по лестнице в дом. А на утро Гаспáр де Эспелéта – так звали раненого – умер. У полиции возникли подозрения, что неизвестный убийца мог быть связан с обитателями дома, где случилось происшествие, и всех жильцов 28 июня заключили в тюрьму. Нашлась в доме и богомольная вдова, оговорившая соседей, в том числе и Сервантесов, к которым якобы «днем и ночью» приходили какие-то люди, что всегда казалось ей странным. Но 1-го июля за отсутствием улик, арестованных отпустили домой.

Материалы этого дела имеют некоторый интерес, так как показывают среду, окружавшую Сервантеса. Видимо, не всем нравился открытый образ жизни семьи, частые встречи писателя с друзьями, о чем заявляли и сами его родные. Так его сестра Андреа сказала производившему дознание алькальду, что брат ее – человек, «который пишет, и ведет разные дела, и имеет друзей благодаря своим талантам». В семье эта тёмная история (полиция знала, по-видимому, имя убийцы, но повела следствие по ложному пути, арестовав заведомо безвинных) помнилась долго. В своем последнем романе «Странствия Персилеса и Сихизмунды» 10 лет спустя Сервантес скажет: «Преступление так и осталось безнаказанным, убитый не воскрес, задержанные были освобождены, найденная на груди убитого и переданная на хранение Рикле золотая цепочка пошла в уплату судебных издержек...»

В 1606 году столица вновь перенесена в Мадрид. Видимо, и Сервантес в это время поселяется на тихой мадридской улочке, живя по-прежнему крайне скудно. «Половину божественных свойств и помыслов бедного поэта поглощают заботы о хлебе насущном». («Добавление к Парнасу», 1614 г.).

В сентябре 1608 года состоялась помолвка, а 1 марта 1609 года – свадьба дочери Сервантеса Исабели, вышедшей замуж за некоего Луи-са де Молина. На этих церемониях присутствует и писатель с женою.

Вместо приданого Сервантес обещает зятю в течение 3 лет выплатить две тысячи дукатов, огромную по тем временам сумму. Поручился за Сервантеса один его знакомый, человек практичный и хитрый. Чем объяснить его поступок, остается неясным.

Возможно, чтобы несколько укрепить свое положение, в начале 1609 года Сервантес вступает в так называемое «Братство рабов святого причастия», в которое входят многие вельможи и литераторы. В 1610 году он пытается попасть в свиту покровительствовавшего ему графа Лёмоса, назначенного вице-королем Неаполя. Но 63-летнему писателю не суждено вновь увидеть любимую с молодости Италию, а заодно и уйти от постылой действительности. В свиту взяли других писателей, а Сервантес обречён оставаться в Мадриде, чем он глубоко уязвлён.

В 1609 году умерла сестра Андреа, в 1611 году – другая сестра Магдалена. Сервантес живет с племянницей Констансой в «старом и сумрачном обиталище» на улице Леон. Не очень поддерживает его и жена, хотя и пишет в официальном документе о «большой любви и добром согласии, в котором мы всегда пребывали». В 1611 году зять, при молчаливом согласии дочери писателя Исабелы, потребовал обещанные при помолвке деньги. Многолетняя тяжба в связи с этим обстоятельством омрачает и так нелегкие последние годы жизни Сервантеса.

Он понимает, что дело идет к развязке. «Я уже в таком возрасте, что мне не приходится шутить шутки с загробною жизнью», – с горечью говорит он в «Прологе» к сборнику новелл, написанном в конце 1611 или начале 1612 года. Вся надежда у него теперь только на литературу и он – спешит. У него есть некоторая известность в литературных кругах, он посещает заседания так называемой «Лесной академии», где видные писатели читают свои новые произведения и спорят о литературе. «Академические заседания неистовы, – сообщает с улыбкой Лопе де Вега в одном письме от 2 марта 1612 года, – на прошлом два лиценциата швыряли друг в друга своими беретами, а я читал стихи, пользуясь очками Сервантеса, которые похожи на плохо пожаренную яичницу».

Но заурядные очки, над которыми посмеивался великий драматург, верно служат своему хозяину. До июля 1612 года он отдает в цензуру рукопись «Назидательных новелл». Цензор – известный писатель друг Сервантеса А. Х. де Салас Барбадильо в своем отзыве отмечает, что этим трудом Сервантес еще раз подтвердил «справедливое уважение, которым пользуется в Испании и за ее пределами его славный талант, необыкновенный в измышлениях и разнообразный в языке, поучающий и восхищающий и тем и другим...». При жизни Сервантеса, в 1613-1615 годах выходит 7 изданий новелл, что свидетельствовало об успехе у читателей.

Сервантес весь в работе. Он пишет поэму «Путешествие на Парнас» (издана в конце 1614 г.), составляет сборник пьес (появился в свет в ноябре 1615 г.). В 1613 году приступает ко второй части «Дон Кихота». Когда им написано 58 глав, летом 1614 года, он узнает о том, что в городе Таррагона вышло подложное продолжение «Дон Кихота», автор которого скрылся под псевдонимом Авельянеда. Это был наглый выпад реакционных кругов, пытавшихся таким путем заглушить и извратить прогрессивный смысл, заложенный в замечательном произведении. Авельянеда грубо издевался над Сервантесом, называя его «безруким», «стариком», угрожая своим фальшивым продолжением лишить его литературного заработка.

Для Сервантеса теперь дело чести завершить роман, защитив от посягательства свой высокий замысел. Зимним днем 1615 г. он ставит точку на последней странице произведения, в котором не преминет сдержанно и гордо ответить своему анонимному хулителю. В декабре 1615 года завершающая часть «Дон Кихота» появилась на прилавках книжных магазинов. Это последняя книга, которую довелось увидеть при жизни самому Сервантесу.

2

Наряду с «Дон Кихотом», «Назидательные новеллы» – второе замечательное творение Сервантеса. Их высоко оценили Лопе де Вега и Тирсо де Молина, Фр. Кеведо и Педро Кальдерон и другие современники Сервантеса и даже враг Авельянеда не смог не отметить их достоинств. Их любили Вальтер Скотт и наш Пушкин, в библиотеке которого хранились испанские издания новелл, использованные им при изучении испанского языка. Сам Сервантес так отзывался о них:

*В «Новеллах» слышен голос мой природный,
Для них собрал я пёстрый, милый вздор,
Кастильской речи путь открыв свободный.*

(«Путешествие на Парнас»).

Сборник составляют 12 произведений, написанных в разные годы, начиная с уже рассмотренных новелл «Великодушный поклонник» (1580-е годы), «Ревнивый эстремадурец» и «Ринконете и Кортадильо» (Севильский период жизни) и кончая рядом новых, созданных после 1603 года: «Сила крови», «Высокородная судомойка», «Лицензиат Видриера» и других.

В «Прологе» к сборнику автор ясно излагает замысел антологии: «Я назвал их назидательными, и действительно, если как следует посмотреть, среди них нет ни одной, из которой нельзя бы было извлечь полезное назидание...». Сервантес хочет, чтобы читатель отдыхал, развлекался с пользой за чтением его книги. «Ведь не всегда же мы ходим в храмы, не всегда посещаем часовни, не всегда занимаемся делами, как бы важны они ни были. Наступает час и для развлечений, когда наш удрученный дух отдыхает».

Действие новелл охватывает разные города и страны. В них представлены и мир преступников, и королевские дворцы, и особняки знати, и постоянные дворы; все профессии, все сословия современного общества. Как ни хитроумен порой сюжет в новеллах, он заимствован автором из реальной жизни.

Любопытно построение сборника, связанное с двумя видами составляющих его историй: новеллы, в которых правда жизни облачена в условную, поэтическую оболочку (какая жизнь могла бы быть, по мысли писателя), перемежаются с новеллами, в которых правда выступает натуралистически, оголённо (жизнь как она есть). Чистая, идеальная линия «Галатеи», «Великодушного поклонника» сочетается с реалистической разоблачительной линией «Ринконете и Кортадильо». И в этом чередовании то утопически высоких и поэтических, то низких и беспощадно сатирических картин действительности Сервантес усматривает истину, сущность самой жизни.

Сборник открывается знаменитой новеллой «Цыганочка», рассказывающей про то, как некая старуха-цыганка воспитала в цыганских обычаях девушку, красавицу Пресьосу, обучив её всем «обманным приемам и воровской сноровке». Но грязь улицы не пристаёт к Пресьосе с её умом и красотой. Всех в Мадриде чарует она своими танцами и песнями, а особенно юношу из богатого дома по имени Андрес. Он предлагает ей своё сердце, но Пресьоса не верит словам горожан, она – дочь полей и свободы. И подобно пушкинскому Алеко из поэмы «Цыгане», Андрес без колебаний бросает всё и появляется в цыганском таборе. О свободе говорила ему прежде Пресьоса, о том же теперь говорит и старый цыган – таборный староста: «...свободная и привольная жизнь наша не связана предрассудками и ненужными стеснениями». Всё у них общее, они ценят дружбу и мужество, свою независимость: «...мы имеем всё, чего хотим, ибо довольствуемся тем, что имеем». И Пресьоса признает только один закон – «закон своего сердца».

Полная лиризма и поэзии новелла кончается свадьбой, благополучно. Выясняется к тому же, что сама Пресьоса вовсе и не цыганка, а грудным ребенком была похищена у состоятельных родителей. Так что

пребывание ее у цыган как бы оправдано случайностью, но писатель использовал это обстоятельство, чтобы – в который раз – восславить любовь, преодолевающую сословные преграды, еще раз утвердить красоту, а, главное, сказать о свободе мысли и чувства на примере цыганского народа, к которому Сервантес относится с нескрываемой симпатией.

А вот горожане, общество выглядит на страницах новеллы далеко не положительно, несмотря на поэтическую атмосферу повествования. Некому полицейскому, в доме которого цыганки не получают ни гроша, ибо он был – редкий случай – честен, Пресьоса рассудительно советует: «Взятки брать надо, ваша милость сеньор пристав, берите взятки, тогда и деньги будут! И не заводите никаких новых порядков, а не то вы умрёте с голоду!..»

Сборник новелл заключается «Новеллой о беседе собак», и эта завершающая история – совсем в ином духе, нежели «Цыганочка», ибо посвящена изображению реальной жизни.

Проживая в начале века в Вальядолиде, Сервантес не раз наблюдал, как под присмотром сторожа по городу вечерами бродили две овчарки, собирая милостыню для нужд больных из Госпиталя воскресения Христова. Этих собак, много видевших и перетерпевших, и избрал он героями своего рассказа, сохранив их настоящие имена и наделив их на одну лишь ночь даром говорить.

Лежат они на старых циновках, и пёс Берганса излагает товарищу Сипиону историю своего многострадального существования. Рассказ Бергансы – 10 эпизодов жизни его у разных хозяев – это целая галерея типов людей, их неприглядных занятий, это широкая панорама испанской действительности.

Родился Берганса на севильских Бойнях, «...все, кто там работает, от первого до последнего, – народ с весьма покладистой совестью, люди отпетые, не боящиеся ни короля, ни суда его...». Головорезы, среди которых сначала живет пёс, чувствуют себя отлично, ибо полиция, ими подкупленная, их не тронет. Пастухи, к которым сбежал Берганса, не лучше мясников и совсем не похожи на пастухов из «пасторальных» (вспомним «Галатею» Сервантеса) романов: они сами убивают овец, которых стерегут, сваливая потом всё на собак. Не лучше жизнь и среди студентов, полицейских, бродяг-кукольников, цыган. Попадает он к солдатам, но и тут плохо: «Полк наш кишел закоренелыми в дезертирстве бродягами, чинившими насилия по деревням, которыми мы проходили, так что все осыпали проклятиями власть...»

Всеобщее воровство и ложь в обществе – таков основной мотив новеллы. И если в ее начале ярко показано повсеместное одичание лю-

дей, то не менее ярко в конце выведены те, кто может спасти нацию. Это алхимики, авторы множества фантастических проектов по подъёму экономики страны – так называемые прожектёры. «Плывать я хочу на ремесла и занятия, не приносящие работнику ни радости, ни куска хлеба, – заявляет один из этих горе-учёных и с гордостью продолжает, – я, сеньоры мои, «прожектер» и в разное время представил его величеству великое множество планов, полезных как для него, так и для всего государства. Сейчас у меня готова записка, в которой я прошу короля указать, с кем мне следует обсудить новый план, одним махом уничтожающий всю королевскую задолженность...». Его план анекдотичен: все подданные короля должны один день каждый месяц питаться хлебом и водой, а сбереженные таким способом деньги отдавать в казну...

«Врачеватели» ничуть не лучше поражённого пороками общества, самое подходящее для них место – больница, там-то наблюдает их умный Берганса. Идея новеллы – всё прогнило насквозь. Не однажды в произведении встречаются советы о пользе молчания. «Я не столько удивляюсь своему дару речи, – замечает Берганса, – сколько ужасаюсь вещам, которые обхожу молчанием». Перед нами – сатира, и умолчание о чём-либо в ней не менее красноречиво, чем слово.

Пёстрый, динамичный, шумный мир «Назидательных новелл» трезво и точно отобразил упадок нравов в Испании в конце XVI – начале XVII веков.

3

В обращении к читателям своих драматических произведений Сервантес набрасывает картину тех значительных перемен в театре, свидетелем которых он стал, от бесхитростных представлений, посещавшихся им в детстве, вплоть до прихода на сцену талантливой плеяды драматургов во главе с «чудом природы» Лопе де Вегой. «Он покори́л и подчинил своей власти всех комедиантов и наполнил мир своими комедиями, счастливо задуманными, удачно исполненными и составляющими в общей сложности более десяти тысяч листов...». И Сервантес, понимая, что «новым птицам на старые гнёзда не садиться» и что время его собственной театральной славы прошло, все же решился издать свои пьесы, справедливо полагая, что в них есть нечто, полезное новым поколениям.

Сборник «Восемь комедий и восемь интермедий» (1615 год изд.) в отличие от новелл и «Дон Кихота» прошел незаметно, хотя целый ряд произведений в нем не лишен интереса. Большинство из включённых в сборник пьес написаны были за последние 10-12 лет, но в него попа-

ли и созданные в более раннюю пору, как, например, драма из жизни средневековых рыцарей «Обиталище ревности» или пьесы с «восточной» тематикой, навеянной алжирским пленом, подобно «Доблестному испанцу».

В пьесах «Забавница», «Педро де Урдемалас», «Блаженный негодник» немало картин воссоздают реальную народную жизнь. Педро де Урдемалас – персонаж из народных сказок, вроде русского Иванушки. Выступая под разными обличьями, он ловко дурачит людей, помогая одним, а других надувая. У Сервантеса Педро де Урдемалас – то батрак, то участник цыганской шайки, то помощник алькальда, то актер, то студент. Начинаясь в деревне, действие завершается в преддверии трона, связывая фабулой лиц самого разного положения.

Уже в «Педро де Урдемаласе» заметно стремление к широкому охвату действительности, но особенно характерно оно для коротких пьес, которые в Испании называются интермедиями. Темы сервантесовских интермедий самые различные, это, так сказать, грани быта: Севилья с её «дном» и воровским атаманом Трампáгосом («Вдовый мошенник»), нравы захолустной невежественной бюрократии («Выборы алькальдов в Дагансо»), мания разводов на почве неустроенной жизни («Бракоразводный судья») и т.д. и т.п. За внешней шутливостью, комизмом ситуаций скрывается пошлость буден, обывательские дразги, мелкие чувства, все вместе вырастающие в объемный сатирический портрет эпохи.

...В некоем городке («Театр чудес») появляется бродяга-комедиант Чанфáлья со своим другом Чирíнос. Зная, что местные обыватели очень щепетильны в отношении своей родословной, они привезли с собою особое представление, видеть которое могут лишь законные христиане, не имеющие в крови примеси мавританской крови. И вот вечером начинается этот «театр»; показывая пустую сцену, Чанфáлья называет при этом животных, дождь, легендарных персонажей, якобы являющихся зрителям. И хотя никто ничего не видит, но все притворяются, что видят, чтобы не сойти за незаконнорожденных:

Капáчо. Видите вы его (т.е. Самсóна), Кастрáдо?

Уáн. Ещe бы не видеть! У меня глаза-то на затылке, что ли?

Это вроде сказки о голом короле датского писателя Г.Х. Андерсена с тем лишь отличием, что у Сервантеса обман так и не обнаруживается до конца интермедии, завершающейся довольным заявлением Чанфáльи: «Мы имеем необыкновенный успех», и намерением повторить «театр» завтра.

Великий русский драматург А.Н. Островский блестяще перевел ин-

термидии Сервантеса. В одном письме 1883 года он так говорил о них: «Эти небольшие произведения представляют истинные перлы искусства по неподражаемому юмору, и по яркости и силе изображения самой обыденной жизни. Вот настоящее высокое реальное искусство».

КНИГА – ПОДВИГ

«Досужий читатель! Ты и без клятвы можешь поверить, как хотелось бы мне, чтобы эта книга, плод моего разума, являла собою верх красоты, изящества и глубокомыслия...»

«Дон Кихот», «Пролог» к I ч.

1

Гордость испанской национальной культуры – роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» – стал вершиною творчества Сервантеса. Н.В. Гоголь вспоминал о том, как А.С. Пушкин натолкнул его на создание настоящей, истинно народной по значению книги, каковой и явились вскоре «Мертвые души». Он, по словам Гоголя, «привёл мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принял за Донкишота⁶ никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями...»

Сервантес приступил к роману, когда ему было 55-56 лет и когда у него накопился неисчерпаемый запас наблюдений, почерпнутых в самой гуще народной жизни. И в книге, кроме грандиозной истории о «взбалмошном сыне» Кастилии и сочно выписанных картин быта, читатель найдёт еще и множество рассуждений на самые разные темы – о мире и военной службе, жизни и смерти, красоте и любви, качествах души и ума, бедности, богатстве, родине, семье, науке, истории, искусстве, правосудии, политике, профессиях и т.д. Каков бы ни был конкретный повод, чтобы писать роман, основная причина таилась в окружающей Сервантеса действительности, о которой он высказывался трезво и беспощадно: «Эта юдоль слёз, наш грешный мир, где ничего не бывает без примеси низости, плутовства и мошенничества»; или: «Наше злощастное время», «наше подлое время», «наш железный век».

До боли остро ощутил он в канун нового XVII века разрыв между идеалами и теми традициями, в которых был воспитан и которые отстаивал с оружием в руках, и той, гнетущей реальностью, что пре-

⁶ Донкишот – искажённое старинное название Дон Кихота в России

следовала его на родной земле. Нельзя не привести слова А.В. Луначарского, что Сервантес «наткнулся сам в действительности на такие рифы, от которых фактически корабль его пошёл ко дну...». «Если взять Дон Кихота как отражение души самого Сервантеса, – писал тот же А.В. Луначарский, – то надо будет сказать так: это великое лирическое произведение, в котором Сервантес описал сам себя и в котором он одновременно, быть может, сам не сознавая этого до конца, и безжалостно подтрунивал над собою и своими мечтами, и возвеличивал эти доблестные мечты на фоне победоносной, но пошлой действительности». Когда читаешь роман, то и дело вспоминаешь факты из биографии самого романиста – его порывы, его неудачи, его поступки, приводившие к результатам, которых он не ожидал...

Громадное и сложное по структуре, это произведение своим движением то стремительным, а то намеренно замедленным напоминает поток полноводной реки, переливающейся звуками и красками, пронизанный грустным светом. Это поистине такая же энциклопедия жизни на драматическом стыке эпох, какой у нас в России являются «Евгений Онегин» А.С. Пушкина или «Война и мир» Л.Н. Толстого.

По-видимому, Сервантес не очень верил в своё сочинение, на которое, по его собственным словам, он потратил «немало труда». Но боязнь, как мы знаем, оказалась напрасной: «...детей от неё. не оторвёшь, юноши её читают, взрослые понимают, а старики хвалят, – говорит герой второй части «Дон Кихота» Самсон Карраско. – Словом, люди всякого чина и звания зачитывают ее до дыр и знают наизусть...». Персонажи романа, отдельные эпизоды, фразы из романа быстро вошли в обиход, превратились в пословицы. И именно по причине того, что книга зачитывалась людьми, передавалась из рук в руки, от первоизданий до нас дошли лишь отдельные экземпляры, которые в крупнейших библиотеках мира хранятся как величайшая редкость.

Взявшись за вторую часть романа, увидевшую свет десять лет спустя после первой, Сервантес проявил немало мужества. Некоторые отсоветовали ему делать это, считая, что «о Дон Кихоте написано довольно» и что «вторая часть никогда не бывает удачной». Когда-то в Вальядолиде племянница писателя Костанса приняла на имя Сервантеса доплатное письмо. «Ну так вот, распечатал я конверт, – вспоминал Сервантес, – а в нем оказался вымученный, слабый, лишенный всякого изящества и остроумия сонет, в котором автор бранил Дон Кихота. Мне стало жаль моего реала, и я велел не принимать больше писем с доплатой за доставку». Стоит учесть и то, что сам романист окончил первую часть достаточно неопределенно, чтобы можно было точно предсказывать вероятное продолжение истории – возможно, Сервантес и сам не пред-

полагал это делать.

Но подавляющее большинство читателей ждало рассказа о третьем выезде Дон Кихота. Шире стали и начальные замыслы писателя. Удачно найденная форма их выражения позволяла сказать и о том, что произошло за истекшее десятилетие в Испании, и это было решающим в вопросе, продолжать или нет эпопею.

Хотя симптомы упадка в стране появились еще в царствование Филиппа II (1555-1598), они не выглядели столь опасно, скрадывались приобретениями и победами, одержанными при властном короле, олицетворявшем цельность и единство Испании.

При безвольном Филиппе III (1598-1621) власть захватила кучка титулованных грабителей во главе с герцогом Лермой и развал монархии стал ощутим всеми. Обесценивались деньги и росли цены. Знать ослепляла себя внешним блеском, а в удел народу доставались новые налоги. Ширилось бродяжничество и бандитизм. В 1609-1613 годах в результате бесчеловечных мер правительства до 500 тысяч потомков арабов-морисков было изгнано из страны, что подорвало и так слабые экономические её ресурсы. Низко пал национальный и военный престиж Испании, теснимой молодыми буржуазными государствами. Множество открытых выступлений против правительства, от предостережений в кортесах и волнений в провинциях и до книг видных политиков и экономистов, сотен сатирических брошюр и листовок – в такой-то тревожной обстановке появлялся «Дон Кихот»...

И во второй его части заметно глубже становится содержание, значительней фигуры главных героев, острее критика в адрес несправедливого устройства жизни.

2

Испания погружена в повседневные заботы. С мельницы возвращаются крестьяне. Хозяева придорожных гостиниц ломают голову, как бы побольше запросить с постояльцев. В шалаше, после дневного труда, отдыхают козопасы. В Севилью направляются погонщики мулов, и дама из Бискайи, чей муж собирается в Америку, тоже торопится в Севилью. Тянутся к побережью нанизанные на цепь, в не ручниках, каторжники его величества – их ждёт тяжелая работа гребца на галерах. Кто-то, после курса ученья в университете, проводит досуг дома, в деревне. Кто-то, счастливый, возвращается из турецкого плена. Вельможи развлекаются. На полянах играют свадьбы. Очередную жертву подстерегают разбойники...

И все, с кем ни встречается Дон Кихот и его оруженосец Санчо, из

умляются этой необычной паре. «Нас с матушкой всё в нем поражает», – говорит юный дон Лоренцо отцу, пригласившему Дон Кихота к себе в гости («Дон Кихот», ч. II, гл. 18)⁷. А однажды их видят крестьяне и студенты. «И вот эти самые студенты, а равно и поселяне, подивились Дон Кихоту так же точно, как дивились все, кто впервые с ним сталкивался, и всем им страх как захотелось узнать, что это за человек, столь не похожий на людей обыкновенных» (ч. II, гл. 19).

Незабываемая, конечно, сама внешность наших героев. Худой высокий, «похожий на мумию» Дон Кихот – вытянутая шея, «лицо в полимили длиною, испитое и бледное», а в придачу смехотворные доспехи, этот шлем и копьё, а также клячонка со звонким именем Росинант. А с ним рядом, шажком на своем ослике трусит с неизменной сумою Санчо, оруженосец, полная противоположность своему господину. «У Санчо был толстый живот, короткое туловище и длинные ноги» (ч. I, гл. 9).

Дон Кихот, сам «любопытный и жадный до новостей» и до жизни других (к этому его обязывает избранное им, необычное поприще), с великой охотой сообщает, «кто он таков, каково его призвание и род занятий – что он, дескать, странствующий рыцарь, ищущий приключений во всех частях света» (ч. II, гл. 19). Не скрывает он и своих целей: «Я замыслил воскресить из мёртвых странствующее рыцарство, и уже много дней, как я, спотыкаясь и падая, то срываясь, то вновь поднимаясь, помогаю вдовицам, охраняю дев и оказываю покровительство замужним, сирым и малолетним, то есть занимаюсь тем, чем свойственно и сродно заниматься странствующему рыцарю, и замысел свой я уже более чем наполовину претворил в жизнь» (ч. II, гл. 16). И в подтверждение своих слов самоуверенный рыцарь, не задумываясь, вмешивается в обыкновенные людские дела...

«Единственная цель» романа, по неоднократным заявлениям его автора, состоит в том, чтобы «свергнуть власть рыцарских романов и свести на нет широкое распространение, какое получили они в высшем обществе и у престоляродья...» (ч. I, Пролог).

Но что это за «рыцарские» романы и насколько важной была поставленная Сервантесом цель?

Рыцарская поэзия и «рыцарские» романы появились ещё в Средние века и на первых порах довольно правдиво отражали жизнь и настроения настоящих рыцарей. Но к концу XV века рыцарство, призванное стоять на страже церкви и королевской власти, под напором новых политических и экономических сил окончательно распалось. А «рыцарская» литература, наоборот, захлестнула страны Европы, живописуя

⁷ Впредь мы будем указывать только часть и главу этого романа

нравы этих «героев» средневековья, расхваливая на все лады рыцарский кодекс чести.

Но, не имея под собой реальной почвы (живых рыцарей уже не было), «рыцарская» литература все больше отрывалась от действительности, становясь все нелепей и фантастичней. С 1508 года, когда в Сарагоссе увидел свет прославленный рыцарский роман «Четыре книги весьма могучего и весьма добродетельного рыцаря Амадиса Галльского», и до 1602 года, когда Сервантес взялся за сатирическое осмеяние подобных историй, в Испании появилось до 120 «рыцарских» романов, причем некоторые из них переиздавались по 5, 8, 18 раз, что говорит о их популярности. Об этом сохранилось множество свидетельств современников Сервантеса, но это точно изображено и в самом «Дон Кихоте».

В самом деле, большинство действующих в романе персонажей так или иначе знакомо с «рыцарской» литературой. У главного героя книги целая коллекция подобных произведений, числом более 300, «каковы суть услада моей души и радость моей жизни», как он сам говорит (ч. I, гл.24). Если Дон Кихот и местный священник всерьез обсуждают достоинства Амадиса Галльского и Пальмерина Английского, то вот Николас, цирюльник из того же села, утверждает, «что им обоим далеко до Рыцаря Феба и что если кто и может с ним сравниться, так это дон Галаор, брат Амадиса Галльского, ибо он всем взял; он не ломака, и не такой плакса, как его брат, в молодечестве же нисколько ему не уступит» (ч. I, гл.1).

Знает, хотя и понаслышке, про рыцарские истории Санчо Панса, и «большая охотница» до подобного чтения Лусинда, и обитатели постоянных дворов. Хозяин одного из них Хуан Паломеке говорит: «По мне, лучшего чтива на всем свете не сыщешь, честное слово, да у меня самого вместе с разными бумагами хранится несколько романов, так они мне поистине красят жизнь, и не только мне, а и многим другим: ведь во время жатвы у меня здесь по праздникам собираются жнецы, и среди них всегда найдётся грамотей, и вот он-то и берет в руки книгу, а мы, человек тридцать, садимся вокруг и с великим удовольствием слушаем, так что даже слюнки текут» (ч. I, гл.32). То и дело на страницах «Дон Кихота» разгораются споры – за и против «рыцарских» романов, как, собственно, и обстояло дело в реальной жизни.

Рыцарские обычаи культивировались в кругах испанского дворянства.

С 1523 года испанские короли возглавили рыцарские ордена на территории страны, поддерживая в их членах понятия о чести, широко развивая внешнюю, зрелищную сторону рыцарских обрядов – игры, турниры и т.п. И особенный рост это явление получило после смерти

Филиппа II в 1598 году, когда небывало усилилось значение столичного дворянства, «...они, помня о прошлых унижениях и будучи ныне столь вознесены, держат себя весьма надменно», – сообщал из Испании венецианский посол в начале XVII века. В 1599, 1602, 1605, 1606 и в другие годы имеют место пышные, с соблюдением правил, турниры. И когда Сервантес выступил с критикой приукрашавшего пошлую действительность, ложногероического жанра, то он, по существу, больно задевал и тех, кто был его основным потребителем – придворную, игравшую в рыцарей, камарилью и идадьго, черпавших в «рыцарских» выдумках иллюзии былого могущества.

3

Речи о рыцарских подвигах не удивляют тех, кто встречается с Дон Кихотом: они знают о рыцарстве из прочитанных романов. Их поражает то, что «книжный» герой, словно сойдя со страниц «рыцарских» историй, предстает перед ними воочию. Это невероятно, этого быть не может. И хотя люди быстро догадываются, что перед ними безумец и что причиной его недуга послужило чтение рыцарских романов, это не уменьшает чувства их изумления. Ведь настоящие рыцари – дело прошлого. И когда хозяина постоянного двора, с упоением рассказывавшего о рыцарских деяниях, предостерегают («...не дай бог вам захромать на ту ногу, на какую захромал постоялец ваш Дон Кихот»), то слышат в ответ от него: «Ну, нет, ...я с ума не сходил и странствующим рыцарем быть не собираюсь. Я отлично понимаю, что теперь уж не те времена, когда странствовали по свету преславные эти рыцари» (ч. I, гл.32).

Как призрак прошлого ездит по дорогам Испании Дон Кихот, сопровождаемый верным Санчо. Все вокруг предстает перед новоявленным рыцарем в рыцарском обличии. Каждому событию, человеку, предмету он дает литературное истолкование, а собственные поступки совершает по правилам прочитанных романов. Вот к концу июльского дня, когда он отправился в своё первое путешествие, он оказывается у постоянного двора. Но, «Увидев постоянный двор, он тут же вообразил, что перед ним замок с четырьмя башнями и блестящими серебряными шпилями, с неизменным подъемным мостом и глубоким рвом, – словом, со всеми принадлежностями, с какими подобные замки принято изображать. В нескольких шагах от постоянного двора, или мнимого замка, он натянул поводья и остановился в ожидании, что вот сейчас между зубцов покажется карлик и, возвещая о прибытии рыцаря, затрубит в трубу. Но карлик медлил, Росинанту же не терпелось пробраться в стойло; тогда Дон Кихот подъехал ближе и, увидев двух гуляющих бабёнок, решил, что

подле зámка режутся не то прекрасные девы, не то прелестные дамы» (ч. I, гл.2). Как и во многих других случаях, это пример полного преобразования жизни в воспаленном мозгу героя.

Однако случается и так, что он не слишком входит в свою роль и сам отлично сознает, что разыгрывает спектакль по нарочито заданному сценарию: «Разве я тебе не говорил, – напоминает он как-то Санчо, – что я намерен подражать Амадису и делать вид, что я обезумел и впал в отчаяние и неистовство, дабы одновременно походить и на храброго Роланда... Разумеется, я не собираюсь во всем подражать Роланду... и перенимать все его безумные выходки, речи и мысли, я лишь возможно точнее воспроизведу то, что представляется мне наиболее существенным» (ч. I, гл.25). Вчитайтесь в это высказывание Дон Кихота, обратив внимание на подчеркнутые нами слова: легко чувствуется, что Дон Кихот здесь в общем-то здоровый человек и только притворяется рыцарем. Более того, он нередко и сам понимает, что «все вещи странствующих рыцарей представляются ненастоящими, нелепыми, ни с чем не сообразными, и что все они как бы выворочены наизнанку». (ч. I, гл.25). Однако происходит это, по мысли Дон Кихота, от чар волшебников, меняющих облик предметов «в нашем воображении» (ч. II, гл.29).

На протяжении огромного романа здравомыслие героя перемежается с безумием. Это было для писателя золотой находкой, потому что для слов и поступков Дон Кихота, даже если они выглядели еретически, у Сервантеса наготове было оправдание: но ведь это сумасброд, чего от него не ждать! (Это напоминает приём в сатирической «Новелле о беседе собак», рассмотренной нами выше, где крамольные речи произносит неразумная собака).

Положение с «безумием Дон Кихота усложняется еще тем, что проявляется оно лишь в одной области – в делах рыцарских. Так, священник предупреждает Доротею, что «когда с ним заговорят о чем-нибудь другом, он рассуждает в высшей степени здраво и выказывает ум во всех отношениях светлый и ясный, так что всякий, кто не затронет этой его рыцарщины, признает его за человека большого ума» (ч. I, гл.30).

Описание сумасшествия не есть цель художественной литературы – этим занимается медицина. Но болезнь Дон Кихота, как видим, особого рода, ибо помогает раскрытию глубокого социального смысла произведения.

Отношение тех, с кем сталкивается наш рыцарь, к его безумным выходкам весьма показательно. Одни равнодушно от него отмахиваются, бегут прочь от странной пары. Другие колотят и проклинают Дон Кихота и Санчо и особенно много колотушек на их долю выпадает в первой половине книги. Третьи, притворившись, вступают сами в «рыцарскую

игру», одни с целью забавы, другие желая спасти героев. А четвертые начинают вглядываться в неслыханных «сумасбродов», что-то улавливают в них такое, что превращает их в друзей Дон Кихота. На этом и строится развитие эпопеи.

4

Вместе с тем Сервантес не упускает случая, чтобы подчеркнуть заурядность из ряда вон выходящего случая с безумием, обыденность своих необычных героев. Они как все, кто вокруг. «Все лица его романа, – писал В.Г. Белинский, – лица конкретные и типические». И прежде всего великий русский критик имел в виду Дон Кихота и Санчо Пансу.

С первой же страницы мы погружаемся в обстановку, окружавшую «в некоем селе ламанчском» «одного из тех идалго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке». Описывается его одежда, пища – по праздникам и в будни, с кем он жил в доме, какие имел пристрастия, кто были его друзья. И оказывается, что наш идалго подобен тысячам других, таких же полунитских дворян, что прозябают в испанском захолустье, испытывая на себе тяжкие последствия упадка и ревниво стоя при том на страже словной морали⁸.

Странствуя вместе с Санчо, Дон Кихот не забывает своей принадлежности к благородному классу, нередко проявляет кичливость. Он не раз одергивает Санчо, кричит на него, когда тот по простоте душевной преступает сословную грань: «Ты, Санчо, недостаточно со мною почтителен. Из всего, что я тебе сказал, Санчо, ты должен вывести заключение, что не следует забывать разницу между господином и слугой, дворянином и холопом, рыцарем и оруженосцем». И когда оруженосец обещает почитать его как своего «господина и природного сеньора», то Дон Кихот покровительственно замечает: «И для тебя настанет спокойная жизнь, ...ибо господин – это второй отец, а потому его и надобно чтить наравне с отцом» (ч. I, гл.20). Неблагодарность и нерыцарственные побои, обрушивающиеся от простолюдыя, Дон Кихот объясняет тем, что это чернь. А некий стражник слышит от него высокомерное: «Милейший».

Но Сервантес проявил и замечательную проницательность, наделив Дон Кихота чертами простоты в обращении с крестьянами, что было свойственно сельской идалгии. Его внимательность, любовь к обыч-

⁸ Бедственное положение деревенских идалго народ запечатлел в метких пословицах: «Идалго в деревню бедность ведёт»; «Идалго как король да кошель не тот»

ному люду – поселянам, козопасам, пастухам – присутствует в большинстве эпизодов. «Мужик, мужик, а какие умные вещи иной раз говоришь!» – восхищается он Санчо.

Не менее типично выписана и биография Санчо, который входит в роман как равный со второго выезда Дон Кихота (ч. I, гл.7). Простой хлебопашец, батрак, мальчонкой стороживший гусей, служивший некогда свинопасом. Про своё хозяйство он отзывается с иронией: «А ведь у меня только и достояния и имущества, что пословицы да поговорки» (ч. II, гл.43). Много в его характере объяснимо как раз его бедняцкой натурой: «я человек тихий, смиренный, миролюбивый, я готов снести любое унижение, потому что мне надо жену кормить и детей вывести в люди» (ч. I, гл.15). Он избегает столкновения с властями, но при случае способен постоять за себя. Он практичен и сметлив и не слишком разборчив в средствах. «...хоть и простоват был наш молодец, а на деньги падок». По-крестьянски он наивен, доверчив, лукав и весел, и всей душою обращен к добру.

Довольно типично проходит и досуг основных героев произведения. Если неграмотный Санчо свободное от крестьянских забот время посвящает вернее всего сну, то иначе проводит его дон Кихот: «Надобно знать, что вышеупомянутый идалго в часы досуга, – а досуг длился у него чуть ли не весь год, – отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти забросил не только охоту, но даже своё хозяйство...» (ч. I, гл. 1)⁹.

От подобного чтения до «странной» мысли стать самому рыцарем оставался единственный шаг и Дон Кихот, как известно, его сделал, а уж договориться с односельчанином Санчо ему не стоило большого труда: «Это был человек добропорядочный..., однако ж мозги у него были сильно набекрень. Дон Кихот такого ему наговорил, такого наобещал и так сумел его убедить, что в конце концов бедный хлебопашец дал слово отправиться вместе с ним в качестве его оруженосца». Прекрасно разбираясь в психологии своего собеседника, зная о его практической жилке, спятивший с ума идалго знал, чем соблазнить Санчо. «Между прочим, Дон Кихот советовал ему особенно не мешкать, ибо вполне, дескать, может случиться, что он, Дон Кихот, в мгновение ока завоеует какой-нибудь остров и сделает его губернатором такового» (ч. I, гл.7).

⁹ Строки Сервантеса, как и в других случаях, находят документальное подтверждение очевидца. Французский путешественник Бартеlemi Жоли, побывав в Испании в 1604 году, писал о нравах провинциальных идалго: «Повсюду они держат себя одинаково, живя в праздности и безделье, не занимаясь никаким трудом и никакими науками, если не считать чтения старых романов... Пообедав и соснув часок-другой, они читают какие-нибудь книги про рыцарей».

Что такое «остров», Санчо и понятия не имеет и будет искать его «пóсуху» на протяжении всех выездов. Зато «губернатор» для горемыки-крестьянина – должность слишком знакомая и, чтобы стать губернатором, Санчо готов на всё.

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ПАРОДИИ

«Отпускать шутки и писать остроумные вещи есть свойство умов великих: самое умное лицо в комедии – это шут, ибо кто желает сойти за дурачка, тот не должен быть таковым».

Сервантес. «Дон Кихот», ч. II, гл. 3

1

Когда нужно высмеять какие-то стороны в характере человека, в животном или определенном явлении, мы прибегаем к их комической имитации, преувеличивая и даже искажая эти стороны, чтобы вызвать улыбку. Цель подобного «передразнивания» – смехом уничтожить, очернить предмет критики.

Пародия – то же «передразнивание», но только применительно к произведениям литературы и искусства, которые подвергаются осмеянию. У них она заимствует стиль, манеру построения, типичные черты героев и «возвращает» все это читателю в переработанном, утрированном виде, как другое, самостоятельное произведение. Это похоже на кривое зеркало из комнаты чудес, забавно сжимающее и растягивающее очертания своей «жертвы». Так именно и поступает Сервантес: щедро вбирая мотивы, ситуации, язык сочинений о рыцарях, он представляет их в «Дон Кихоте» в свободном, значительно обогащённом преломлении.

Особенностью пародии является то, что читатель должен знать критикуемый образец. В противном случае ее ирония останется непонятной. Когда появился «Дон Кихот», рыцарские романы были самым любимым чтением и воздействие сервантесовой книги оказалось поэтому ошеломляющим. Этому способствовало и то, что автор «помогал» читателям, увековечив рыцарщину в обильных выдержках. Внутри романа «Дон Кихот» выдержки и пересказы рыцарских историй составляют своего рода «внутренний роман», рыцарскую хрестоматию, на которую и нацелен смех писателя. И если обыкновенно пародия не переживает своего образца, а, уничтожив его, умирает сама, то с «Дон Кихотом» этого не случилось: давным-давно исчез рыцарский жанр, но пародийность творения Сервантеса ощущается с не меньшей свежестью как раз благодаря присутствию «рыцарщины» на страницах самой книги.

Так в 21 главе первой части ламанчский герой разворачивает перед наивным Санчо яркую картину того, что ждет странствующего рыцаря, когда тот совершит свои небывалые деяния и появится при королевском дворе для правдивого отчёта, «...мальчишки, видя, что он въезжает в городские ворота, тотчас сбегутся, обступят его и начнут кричать: «Вот Рыцарь Солнца», или: «Вот Рыцарь Змеи», смотря по тому, под каким именем стал он известен великими своими подвигами. «Это он, – скажут они, – в беспримерном сражении одолел страшного великана Брокабруна, невиданного силача, это он расколдовал великого Мамелюка персидского, пребывавшего заколдованным около десятисот лет». Далее, по рассказу Дон Кихота, рыцаря непременно встретит сам король, и обнимет его, и представит своей королеве и дочке-инфанте; и юная инфанта и храбрый рыцарь с первого взгляда поймут, что они созданы друг для друга. Но тут окажется, что король ведет кровопролитную войну и наш рыцарь, конечно же, не может оставаться в стороне. И ночью, через садовую решетку нежно прощается он с инфантою, а инфанте дурно, и она падает в обморок и т.д. и т.п.

И в самом романе Сервантеса «встречи» рыцаря Дон Кихота занимают немалое место, и есть тут вельможи, мальчишки и любвеобильные дамы, но как это далеко от «книжных» встреч, ибо сопровождается обманом, драками и насмешками! Вот в окружении всадников, при звуках труб и барабанов, Дон Кихот направляется в Барселону. Всё, казалось бы, так торжественно и – однако: «...когда же они в город въезжали, то по наущению злого духа, который только и делает, что сеет зло, двое озорных и дерзких мальчишек – а мальчишки бывают иной раз лукавее самого лукавого, – пробрались сквозь толпу и, задрвав хвосты ослику и Росинанту, сунули и подложили туда по пучку дикого тёрна. Почувяв этот новый вид шпор, бедные животные поджали было хвосты, но от этого неприятное ощущение лишь усилилось: они начали отчаянно брыкаться и в конце концов сбросили своих седоков наземь» (ч. II, гл.61). Таково сатирическое завершение сходной ситуации: Испания без прикрас отвергает надуманную и слащавую рыцарщину.

И так – в большом и в малом. «Здесь каждая частность имеет смысл пародии», – тонко отметил эту особенность романа Сервантеса Г. Гейне. В этом убеждаешься, едва приступив к чтению.

С преувеличенной серьезностью, в которой скрывается улыбка, обрисованы сборы Дон Кихота в дорогу. Отчищаются от плесени и ржавчины древние доспехи, дотоле валявшиеся в углу. Шлем с забралом рыцарь мастерит... из картона. Несколько дней он размышляет, как назвать своего боевого коня. Имя найдено: Росинант – первая в мире кляча! Имя для самого себя потребовало уже целой недели, и это оправдано:

Дон Кихот – это так звучно, хотя означает в переводе... простецкую железную пластину, прикрывающую в бою бедро воина. Дон Кихот – Дон Набедренник!

Но у рыцарей из книг еще есть и прозвище, по названию их родины – Амадис Галльский, Пальмерин Английский, Бельянис Греческий. По примеру их и Дон Кихот берет себе гордый эпитет «Ламанчский». Но как маленькая, захолустная Ла Манча несоизмерима с Англией или Грецией, так несоизмеримы и имена, хотя это абсолютно не волнует Дон Кихота, а Сервантес подчеркивает что у Ла Манчи есть своя история, свои летописцы, свои «великие анналы». И стоит лишь Дон Кихоту избрать «дамой сердца» обыкновеннейшую крестьянку из деревеньки Тобосо, как деревенька превращается на страницах книги в «город» и даже в «великий город Тобосо». И в своё первое путешествие навстречу будущей славе рыцарь пускается «по древней и знаменитой Монтъельской равнине».

Сам выбор нищего ламанчского края сценой для подвигов безумного героя весьма знаменателен, ибо пародийно снижает его воинственный облик. Ведь в реальности равнина, по которой он скачет, место угрюмое, выжженное под палящим солнцем. Люди там редки, и всё печально. И в помине нет «приютных рощ» и «прохладных струй, текучему хрусталу подобных» – ключей и водоёмов – всего, что создавало «рыцарский» пейзаж. Но когда среди бедной природы Дон Кихот, в преддверии приключений, произносит высокопарные речи, как отчетливо проступает их фанфаронство! «Я тот, – бахвалится он, – кому в удел назначены опасности, великие деяния, смелые подвиги. Еще раз повторяю: я тот, кто призван воскресить Рыцарей Круглого Стола, Двенадцать Пэров Франции, Девять Мужей Славы, затмить Платиров, Таблантов, Оливантов, Тирантов, Фебов, Бельянисов и весь сонм славных странствующих рыцарей былых времен, ибо в том веке, в котором суждено жить мне, я совершу столь великие и необыкновенные подвиги, перед коими померкнет всё самое блистательное, что было совершено ими» (ч I, гл.20). После книги Сервантеса напыщенный язык рыцарских историй вообще стал восприниматься как досадный пережиток, как жалкая тень сочного, живого языка народа...

Эпизоды первых глав особенно безжалостны в отношении рыцарской литературы, и это подтверждает, что «Дон Кихот» писался вначале единственно с целью опровергнуть ее. Сервантес не щадит своих главных героев, обрушивая на них тумачи и злые шутки окружающих и собственную разящую иронию. То и дело он предлагает «посмеяться» над их злоключениями.

«Страшная мысль» приходит в голову Дон Кихоту, едва он очутился

в поле в свой первый выезд: он еще не посвящён в рыцари и, значит, не может, по рыцарским законам, выходить на бой. Но положение исправимо: посвящение он примет от первого встречного. Последнее навеяно аналогичным эпизодом из романа об Амадисе Галльском, оказавшем на Дон Кихота наибольшее воздействие. Но в «Амадисе» Галаор, брат Амадиса, посвящен лично королем Перионом и происходит это чинно, при звуках труб и рогов, после ночи в жарких молитвах. Читается во всеуслышанье книга рыцарских правил, которые Галаор клянется свято блюсти, государь трижды ударяет его по плечу и, целуя, облачает в доспехи...

Дон Кихот, мы знаем, провел ночь не в часовне или церкви, а во дворе придорожной гостиницы, у колодца, и самодельные доспехи его покоились не на алтаре, а на водопойном корыте, и ночное бдение его прерывается потасовкой с погонщиками мулов. И «первым встречным» оказывается как раз хозяин гостиницы, «изрядный шельма» и вор, который утром, чтоб отделаться от странного постояльца, сводит весь обряд к «подзатыльнику и удару шпагой по спине». Тут же при огарке свечи читают книгу... записей выданного погонщикам овса и соломы, после чего девка обвязывает рыцаря мечом. Ритуал выглядит торжественно и... настолько убого, что участники его едва сдерживают смех.

2

Но Дон Кихот не ограничивается лишь внешним, забавным копированием рыцарских обычаев. Он хочет исправить жизнь согласно представлениям, почерпнутым из рыцарских книг. И не видит (а то и нарочно не хочет видеть), что ныне царит век трезвости, где нет ничего рыцарского. Он лишён чувства реальности, не желает считаться с настоящим, а весь находится в мире прошлого, причём поэтического прошлого, потому что живи Дон Кихот среди настоящих рыцарей средневековья, грубых, жестоких, алчных, он бы их безусловно отверг. Для него, одержимого воображением, истиной стали фантастические вымыслы.

Именно таков Дон Кихот, когда он нападает на стадо баранов (ч. I, гл. 18). Этот эпизод, в котором Сервантес использовал некоторые мотивы «Амадиса Галльского», – блестящая пародия на описания сказочных битв в рыцарских романах. Все начинается с того, что Дон Кихот и Санчо замечают, как по дороге с двух сторон двигаются к ним огромные и густые облака пыли, за которыми скрываются стада баранов и овец. Но странствующему рыцарю нет дела до правды – для него это два войска, готовящихся вступить в битву: «Да будет тебе известно, Санчо,

что войско, которое движется нам навстречу, ведёт великий император Алифанфарон, правитель огромного острова Трапобаны, а тот, что идет за нами, – это его враг, король гарапантов Пентаполин Засученный Рукав, названный так потому, что перед боем он всегда обнажает правую руку». И вот, пока стада приближаются, Дон Кихот без умолку фантазирует перед доверчивым оруженосцем, называя народы, страны, знаменитых рыцарей. «Санчо Панса слушал Дон Кихота разинув рот, сам же от себя не вставлял ни слова и только время от времени озирался – не видать ли рыцарей и великанов, которых перечислял Дон Кихот...». Концовка эпизода трагикомична: с победным кликом безумец врывается в стадо овец, нанося удары и не слушая увещаний Санчо. И чтобы унять внезапного «агрессора» пастухам ничего другого не остается, как забросать его камнями.

Всего на страничку «страшная и доселе неслыханная битва с ветряными мельницами» (ч. I, гл.8), но она сделалась классическим примером «оторванности» человека от жизни, несовместимости с нею, того, что получило название донкихотства. Правда, в этом случае у Дон Кихота имелись известные основания для игры фантазии: образ мельниц пришел к Сервантесу не со страниц рыцарских книг, а из реальной Ла Манчи, где в конце XVI века появились первые в Испании мельницы, изумляя современников писателя непривычным видом.

«Судьба руководит нами как нельзя лучше, – говорит с восторгом Дон Кихот, едва увидев эти удивительные сооружения. – Посмотри, друг Санчо Панса: вот там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, – я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли значит верой и правдой послужить богу».

Дон Кихот не желает прислушаться к Санчо, пытающемуся внушить ему истину и удержать от нелепой выходки. «Сейчас видно неопытного искателя приключений, – замечает он упрямо, – это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем...». Сломанное копьё, чуть живой Росинант сброшенный на землю всадник – действительность жестоко мстит тем, кто не согласен с нею считаться...

Однако не всегда причиной безрассудного поведения Дон Кихота является его воспаленное сознание. Он порою воспринимает события правильно, но сама рыцарственность его характера приводит к нежелательным результатам. Сразу после «посвящения в рыцари» он совершает свой первый подвиг – спасает беззащитного пастушка Андреса, которого истязал местный богатей Хуан Альдудо (ч. I, гл.4). Довольный,

продолжает свой путь Дон Кихот: «...только вчера вступил он в рыцарский орден, а сегодня уже искоренил величайшее зло и величайшее беззаконие, какие когда-либо вкупе с жестокостью творила неправда...». Дон Кихот продолжает путь, по-рыцарски поверив обещаниям богатея, и не понимает, что нельзя верить на слово. Альдудо обманул его и довершил расправу, еще более жестокую, над мальчиком.

Позднее Дон Кихот вновь повстречает Андреса, ставшего после избиения калекой и направляющегося в Севилью в поисках лучшей доли, и узнает, как все было. «А виноваты во всём этом вы, государь мой, – резонно говорит ему Андрес, – ехали бы вы своей дорогой, не лезли, куда вас не спрашивают, и не вмешивались в чужие дела...». В «великом смущении» слышит Дон Кихот проклятия, обращенные к нему и ко «всем странствующим рыцарям, какие когда-либо появлялись на свет» (ч. I, гл.31).

На каждом шагу оказывает он «медвежью услугу» тем, за кого выступает, или требует от людей немислимых действий. Эпизод с освобождением каторжников, идущих на галеры (ч. I, гл.22), сходен по содержанию с 65 главой «Амадиса Галльского», но какая же между ними смысловая разница! После того, как Амадис вырвал из власти гиганта Мадарка около сотни дам и рыцарей, «все они с большим смирением подошли целовать руки Амадиса, говоря, что ждут, что он прикажет им сделать. Амадис сказал им: «Друзья, самое приятное будет для меня, если вы все отправитесь к королеве Бризене и скажете, что вас посылает ее Рыцарь Твердого острова, и если облобызаете её руки от моего имени».

По-иному развиваются события в книге Сервантеса. С трудом собрав разбежавшихся после освобождения каторжников, Дон Кихот обращается к ним с речью: «...я бы хотел, – и такова моя воля, – чтобы в благодарность за это вы, отягченные цепью, от которой я вас избавил, сей же час тронулись в путь и, прибыв в город Тобосо, явились к сеньоре Дульсинее Тобосской, передали ей привет от её рыцаря, то есть Рыцаря Печального Образа, и во всех подробностях рассказали ей об этом славном приключении вплоть до того, как вы обрели желанную свободу». И невдомек Дон Кихоту, что стоящие перед ним бандиты и воры – это не герои «Амадиса Галльского», в чем он, впрочем, вскоре убеждается. По словам одного из каторжников, они готовы молитвами отблагодарить своего освободителя: «Но воображать, будто мы снова захотим вкусить райское блаженство, то есть снова наденем цепи, а потом зашагаем по дороге к Тобосо, – это всё равно, что воображать, будто сейчас ночь, тогда как на самом деле еще и 10 утра нет, и обращаться к нам с подобной просьбой – это всё равно, что на вязе искать груш».

Град булыжников сыплется на удрученного неблагодарностью Дон Кихота и его спутника.

И так везде. «Не в добрый час и не в пору явился в мой дом этот странствующий рыцарь, глаза бы мои его не видели – так дорого он мне обошёлся!» – восклицает хозяйка постоялого двора, когда узнает, что Дон Кихот проткнул у нее в чулане бурдюки с вином, приняв их за великана (ч. I, гл.35). И хотя как-то он пробует оправдаться тем, что «умышленно и преднамеренно я никого никогда не оскорблял» (ч. I, гл.47), людям от того не легче: благодеяния рыцаря обертываются для них злом. А в глазах стражников он даже становится государственным преступником, ибо освобождает каторжников, приговоренных именем короля (ч. I, гл.46).

3

Отправляясь во второй выезд (ч. I, гл.7), Дон Кихот берет с собою Санчо Пансу и, за редким исключением, оруженосец сопровождает своего господина до конца эпопеи. Он и внешне и внутренне – противоположность Дон Кихота, хотя и существенно дополняет его. Значение Санчо в книге исключительно велико: с его появлением возле рыцаря оказывается не только занимательный собеседник, но и представитель той самой действительности, с которой не в ладах Дон Кихот. Усложняется пародийная система романа – ведь Санчо Панса первый, кто критикует и пародирует своим поведением ламанчского героя.

Он пришел из низов, из народных пословиц и сказок, подобно русскому Иванушке. Уже в имени Санчо таится умысел: в обиходе оно означает простого, ловкого и рассудительного человека. Если оруженосец из рыцарских книг служит бескорыстно, в надежде самому стать со временем рыцарем, то у Санчо Пансы лишь одна цель – подработать («...правила рыцарского поведения – это для меня тёмный лес», – говорит он). С образом «острова», которого он домогается, для него связана достойная человека жизнь. И странствующее рыцарство он понимает с практической стороны. «Да вы что, только вчера родились? – восклицает он, услышав вопрос служанки Маритёрнес о том, что такое рыцарство. – Странствующий рыцарь – это, знаете ли, сестрица, такая штука! Только сейчас его избili – не успеешь оглянуться, как он уже император. Нынче беднее и несчастнее его нет никого на свете, а завтра он предложит своему оруженосцу на выбор две, а то и три королевские короны» (ч. I, гл.16).

Жизнь он воспринимает материально, с точки зрения собственной пользы. Когда Дон Кихот занят высокими думами, Санчо размышляет

о том, как бы поесть, поспать или извлечь пользу из редких триумфов своего рыцаря. «Засим позвольте мне, ваша милость, полакомиться этими самыми пеночками, а всё остальное есть празднословие, за которое с нас на том свете спросят» (ч. II, гл.20).

Где Дон Кихот храбр, он труслив; где тот бесшабашен, этот расчётлив; тот чуть актер, этот чужд всякой позы; тот честен, этот не очень и даже обманывает, нет-нет. Дон-Кихота. Последнего эта постоянная противоположность удивляет. «Меня приводит в изумление, Санчо, беспечный твой нрав, – говорит как-то Дон Кихот, разбудив оруженосца. – Я бодрствую, в то время как ты спишь, я плачу, в то время как ты поешь, я изнуряю себя постом, а ты наедаешься до того, что тебе трудно бывает двигаться и дышать» (ч. II, гл.68).

Волшебные чары, то и дело путающие Дон Кихота, на Санчо не действуют. Когда идалго пытается его уверить, что на одеяле его подбрасывали некие «привидения» и «выходцы с того света», Санчо разумно возражает: «А все-таки я стою на том, что те, кто надо мной потешался, – это не бесплотные призраки и не заколдованные, как уверяет ваша милость, а такие же люди, как мы с вами. И у каждого из них есть имя...» (ч. I, гл. 18).

Санчо скоро разобрался, с кем путешествует. Как это можно бритвенный тазик принимать за шлем? Как это, ни с того ни с сего, заводить драку из-за какой-то королевы Мадасимы, когда о ней отзываются скверно? «Ну их совсем, пусть себе на здоровье» (ч. I, гл. 44 и 25). И Санчо Панса почти открыто потешается над рыцарскими бреднями Дон Кихота, нередко высказывает желание вернуться домой, «не беря расчета и даже не прощаясь» (ч. II, гл.30). Своей критикой он помогает окружающим быстрее распознать донкихотскую природу хозяина: «...на мой взгляд, господин мой Дон Кихот – неизлечимо помешанный...» (ч. II, гл.33).

4

Однажды, разгневавшись, рыцарь открывает Санчо Пансе, кто служит ему опорой в его трудной задаче: «...кто, как не доблесть Дульсины, избравшей мою длань своим орудием? Она сражается во мне и побеждает мною, а я живу и дышу ею, и ей обязан я жизнью и всем моим бытием» (ч. I, гл.30).

Сердечное чувство, не обошедшее бедного идалго, выглядит в романе насмешкою над любовью «книжных» рыцарей. Уже 12 лет любит он свою избранницу, а видел ее всего раза три, и Альдónса Лорёнсо, превращенная его фантазией в сладостную Дульсинею, даже не подо-

зревает об этом.

Санчо, судивший по вздохам и стенаниям господина, «искренно и твердо» верил, что его дама сердца – нежная, высокородная принцесса. И как он удивлен, узнав, что это безграмотная крестьянка из соседнего села! Начинается пародийное «снижение» дорогого образа. «Да я её прекрасно знаю, – сказал Санчо, – и могу сказать, что барру¹⁰ она мечет не хуже самого здорового парня из всей нашей деревни. Девка ой-ой-ой, с ней не шути: и швея, и жница, и в дуду игрица, и за себя посто-ять мастерица, и любой странствующий или только еще собирающийся странствовать рыцарь, коли она согласится стать возлюбленной, будет за ней, как за каменной стеной. А уж глотка, мать честная, а уж голосина!» (ч. I, гл.25). Из слов простодушного Санчо вырисовывается образ обыкновенной деревенской девки, день-деньской проводящей в поле или за молотьбой и чесаньем льна, и ему не понять, что уж такого нашел в Альдонсе Дон Кихот.

А Дон Кихоту и не надо, оказывается, «дамы» в ее реальном облике, потому что рыцарский этикет позволял, по необходимости, выдумывать возлюбленных. И он не скрывает, что придумал себе любовь, наделил её всеми совершенствами и поверил в нее, как она есть на самом деле, «...воображению моему она представляется так, как я того хочу: и в рассуждении красоты и в рассуждении знатности... А люди пусть говорят, что угодно...» (ч. I, гл.25). И рассказ Санчо, якобы побывавшего у Дульсинеи, видевшего, как просеивает она дешевое зерно, как взваливает на осла тяжелый мешок, почувствовавшего, как остро пахнет от нее кислым потом, не поколебал веры рыцаря в достоинства своей «звезды», как не поколебала её и обманная встреча с безобразной крестьянкой, которую плут-оруженосец выдал за Дульсинею (ч. I, гл.31; ч. II, гл.10).

Конечно, Дульсинея вносит важный штрих в характеристику человека, оторванного от жизни, витающего в облаках. Но ведь это не только Дон Кихот, а и всякий, кто красивой сказкой пытается отгородиться от реальной действительности. О таких писал впоследствии русский поэт: «Темы низких истин мне дороже нас возвышающий обман» (А.С. Пушкин).

¹⁰ Барра - игра, заключающаяся в том, чтобы как можно дальше бросить железный прут.

РЫЦАРЬ НОВОГО ВРЕМЕНИ

«Однако ж добродетель сама по себе столь могущественна, что назло всей черной магии, какую только знал первый её изобретатель Зороастр, она выйдет с честью из всех испытаний и воссияет на земле, подобно солнцу в небе».

Сервантес «Дон Кихот», ч. I, гл.47

1

Рыцарские романы, против которых оказались бессильны выступления их многих противников, были, по словам испаниста Л.Ю. Шепелевича, «поражены историей ламанчского рыцаря». В свет они больше не появлялись. Как справедливо заметил тот же учёный, «наслаждения «Дон Кихотом» исключают наслаждения Амадисами и Тирантами». Таким образом, поставленная Сервантесом задача была решена.

Но, критикуя рыцарскую литературу, писатель не ставил под сомнение сам этот жанр. Рыцарско-пасторальные мотивы разрабатывались им в некоторых пьесах, например, «Обиталище ревности, или Арденнские леса», а также в ряде «назидательных» и «вставных» (из «Дон Кихота») новелл с их условной, утопической обстановкой. В самом «Дон Кихоте», в знаменитом эпизоде сожжения ненавистных книг (ч. I, гл.6) сделано исключение для нескольких лучших образцов этого рода – «Амадиса Галльского», «Дианы» и «Галатеи» самого Сервантеса, которую он так ценил. В заключении первой части «Дон Кихота» происходит любопытная беседа священника с каноником, причём последний «высказал ту мысль, что рыцарские романы при всех отмеченных им недостатках обладают одним свойством: самый их предмет позволяет зрелому уму проявить себя, ибо они открывают перед ним широкий и вольный простор, где перо может бежать свободно...» Сервантес считает возможным появление образцового произведения в рыцарском жанре, автор которого «достигнет высшей цели сочинительства, а именно, как уже было сказано, поучать и услаждать одновременно. Должно заметить, что непринужденная форма рыцарского романа позволяет автору быть эпиком, лириком, трагиком и комиком и пользоваться всеми

средствами, коими располагают две сладчайшие и пленительные науки: поэзия и риторика, – ведь произведения эпические с таким же успехом можно писать в прозе, как и в стихах» (ч. I, гл.47). И в конце жизни Сервантес пытается осуществить эти положения на практике: одновременно со второй частью «Дон Кихота» он вдохновенно трудится над рыцарским романом «Странствия Персилеса и Сихизмунды».

Рыцарский и пасторальный жанры привлекали его не только разнообразием художественных приёмов, но и открытой «программностью», стремлением изображать положительных людей, что отсутствовало, скажем, в правдивых книгах о пикаро, проникнутых чувством безысходности. Неправильно утверждение, что в «Дон Кихоте» Сервантес, разочаровавшись в идеалах юности захотел стряхнуть с себя эту болезнь романтики. Он решил распать её в себе, он решил осмеять ее в себе и тем освободить себя раз навсегда от ее чар. И он сделал это.

Но он не мог этого сделать, как мы убедились, по той причине, что как человек и писатель, несмотря на невзгоды, остался романтиком, более того, рыцарем на всю жизнь. И это с огромной силою звучит в «Дон Кихоте», в котором Сервантес не только высмеял посредственные «рыцарские» поделки от литературы, но и на огромную высоту поднял самую идею истинной, всечеловеческой рыцарственности, столь необходимой людям во все времена.

*Всего грустнее в грустной сей истории,
Что мы смеемся, – а герой ведь прав,
Провозглашая славные теории
Борьбы с насильем и защиты прав.*

– Так писал о рыцаре из Ла Манчи английский поэт Д.Г. Байрон. И в самом деле, чем же руководствуется в своих поступках Дон Кихот? Что предписывал рыцарский кодекс чести тем, настоящим, средневековым рыцарям?

Вот некоторые из рыцарских законов, как они известны по документам:

«Они (т.е. рыцари – ВЧ) обязаны служить своему законному государю и защищать его и своё отечество.

Щит их да будет прибежищем слабого и угнетенного; мужество их да поддерживает везде и во всём правое дело того, кто к ним обратится.

Да не обидят они никогда никого и да убоятся более всего оскорблять злословием дружбу, непорочность отсутствующих, скорбящих и бедных.

Жажда прибыли и благодарности, любовь к почестям, гордость и

мщение да не руководят их поступками; но да будут они везде и во всём вдохновляемы честью и правдою.

Честные блюстители данного слова, да не посрамят они никогда своего девственного и чистого доверия малейшей ложью...

Да не положат оружия, пока не кончат раз предпринятого по обету дела, каково бы оно ни было; да преследуют они его и денно, и ночью в течение года и одного дня.

Если во время преследования начатого подвига, кто-нибудь предупредит их, что они едут по пути, занятому разбойниками, или что необычайный зверь распространяет там ужас, или что дорога ведет в какое-нибудь губительное место, откуда путнику нет возврата, да не обращаются они вспять, но да продолжают путь свой даже и в таком случае, когда убедятся в неотвратимой опасности и неминуемой смерти, лишь была бы видна польза такого предприятия для их сограждан».

В условиях многовековой борьбы с арабами среда испанских рыцарей была гораздо демократичней, чем в других странах, так как в их рядах сражалось немало горожан и крестьян, враждебных феодалам. Вот почему и рыцарская мораль в той части, где она не носила узко-словный характер, распространялась в низах, сливалась с «народными законами и обычаями», порожденными Реконкистой.

2

Несмотря на несуразные, глупые, казалось бы, выходки Дон Кихота, он с каждой страницей все более завоевывает наши симпатии. Он не утрачивает своих комических черт, нет, и, тем не менее, он в наших глазах растёт, переосмысливается в истинно положительного героя. Словно ощутив емкость принятой им концепции странствующего рыцарства, Сервантес наполняет её, чем дальше, таким содержанием, которое вышло за пределы лишь литературных целей. Пародийность, не исчезая, обретает новые качества, подчиняясь «программным» устремлениям автора.

Дон Кихот в начальных главах – смешной слепок с настоящего рыцаря, и его встреча с реальным миром вызывает улыбку. Но после эпизода со спасением пастушка Андреса (ч. I, гл.4) читатель уже колеблется, ибо хотя результат вмешательства Дон Кихота и плачевен (богачей избивает мальчишку ещё сильнее), моральная победа остается за безумным идалго. И когда он, по завершении первого выезда, рассуждает о том, что человечество «в настоящее время ни в ком так не нуждается, как в странствующих рыцарях», возникает чувство согласия с ним: если в жизни существуют отвратительные типы, вроде хозяина постоялого

двора или богача Альдудо, то почему бы не иметь вездесущую управу, способную обуздать их? Читателю безразлично, какие некогда были «всамделишные» рыцари, как правило, не соблюдавшие своих законов. Важно, какой актуальный смысл вкладывает в них Дон Кихот (а в его лице и сам автор).

В представлении Дон Кихота странствующему рыцарю «надобно быть чистым в помыслах, благопристойным в речах, великодушным в поступках, смелым в подвигах, выносливым в трудах, сострадательным к обездоленным и, наконец, быть поборником истины, хотя бы это стоило ему жизни» (ч. II, гл.18). Высоко нравственный портрет человека эпохи Возрождения, доблестного, энергичного, скромного, мудрого, рисуется в речах Дон Кихота, в его советах Санчо. Интересно, что критерием нравственности такого человека являются его дела, а не слова, не имя, не классовая принадлежность. «Ведь не все именующие себя рыцарями, – заявляет Дон Кихот, – являются таковыми в полной мере: иные сделаны из настоящего золота, иные – из поддельного...» (ч. II, гл.6).

Особое место в первой половине эпопеи занимает картина ужина Дон Кихота с козопасами в шалаше, во время которого он произносит свой известный монолог о золотом веке, когда-то, якобы, пережитом людьми: «Блаженны времена и блажен тот век, который древние называли золотым, – и не потому, чтобы золото, в наш железный век представляющее собой такую огромную ценность, в ту счастливую пору доставалось даром, а потому, что жившие тогда люди не знали двух слов: твоё и моё. В те благословенные времена всё было общее». И рыцарь рассказывает простым козопасам об обществе, где царит мир и правда и нет фальши, лицемерия и корысти. (ч. I, гл.11).

Античная теория «золотого века», пользовавшаяся популярностью среди идеологов Возрождения, вошла составной частью в концепцию всечеловеческого рыцарства Сервантеса. Деятельность рыцаря из Ла Манчи направлена достижению справедливого миропорядка, о чем он и говорит вскоре после беседы в шалаше: «Друг Санчо! Да будет тебе известно, что я по воле небес родился в наш железный век, дабы воскресить золотой» (ч. I, гл.20).

Со вниманием следим мы отныне за возвышенной, героической линией в поведении Дон Кихота и не обманываемся в ожиданиях до самого финала его истории. И уже перемежающееся безумие ламанчского идеально воспринимается в другом свете. Так дворянину Диего де Миранде, в чьем доме недолго гостит Дон Кихот, кажется, что «это – здравомыслие сумасшедшего или же сумасшествие, переходящее в здравомыслие...». Это подтверждает и сам гость: «Но я и не так помешанный,

как должно думать кажусь». И когда по обыкновению он принимается с жаром восхвалять рыцарей «и сколь полезны были бы они ныне», сын дона Диего с симпатией думает про него: «...однако ж со всем тем это безумие благородное...» (ч. II, гл.17 и 18).

В характере Дон Кихота привлекают его одушевленность идеей о высоком назначении человека, его непримиримость к любому злу и неутомимая активность в искоренении зла. Он – человек действия, дела. Санчо, пригорюнившегося после битвы с баранами, он поддерживает словами: «Знай, Санчо, что только тот человек возвышается над другими, кто делает больше других...» (ч. I, гл.18). Причем во имя добра он не откладывает решения, а действует тотчас. Стоило Доротее попросить его ей помочь, и он немедленно требует доспехи: «...и – за дело, ибо промедление, как говорится, опаснее всего» (ч. I, гл.29). И сколь трогателен оптимизм Дон Кихота, неколебимо верного служению людям, не взирая на жестокие поражения! Как волнующа его строгая приверженность, нежная любовь к Дульсине! Лишь немногие литературные герои по своей притягательной силе, по нравственному воздействию на сердца читателей вправе стать рядом с Дон Кихотом...

С Санчо происходит то же самое. От забавного слуги и лукавого собеседника он в продолжении романа вырастает до мудреца, становясь независимым в оценках и поступках и заняв место не менее значимое, чем его господин. Скептически относясь к химерам Дон Кихота, бунтуют против его нелепостей, он, практик и реалист, тем не менее, не покидает его и дело тут вовсе не в дукатах и дублонах. Первый критик донкихотства, он первый, однако, увидел и такое, что душевно связывает его с рыцарем: поиски справедливого уклада жизни.

Сервантес не поддался соблазну сделать основных персонажей диаметрально противоположными. Его «художественное чутьё и глубина ума» проявились, по словам Г. Гейне, в том, что их, таким внешне разных и «беспреданно пародирующих друг друга», он внутренне сблизил и «вместе они образуют подлинного героя романа...»

Плутоватый Санчо любит Дон Кихота за чистоту помыслов, верит ему. «...у моего, – говорит он о господине, – хитрости вот настолько нет, душа у него нараспашку, он никому не способен причинить зло, он делает только добро... и вот за это простодушие я и люблю его больше жизни и, несмотря ни на какие его дурачества, при всём желании не могу от него уйти» (ч. II, гл.13). Санчо при случае забывает о своей трусоватости и бросается на помощь Дон Кихоту, и рыцарь ценит это. Друзья, проливают они вместе слезы в радости и несчастье. И когда однажды, в ответ на корыстные домогательства Санчо, Дон Кихот припугнул его, что возьмёт себе другого оруженосца, у того «потемнело в

глазах и крылья его храбрости опустились» (ч. II, гл.7).

Умственное развитие Санчо Пансы протекает чрезвычайно быстро, особенно на страницах заключительной части книг. «С каждым днём, Санчо, ты становишься всё менее простоватым и всё более разумным», – с похвалою замечает Дон Кихот и слышит в ответ: «Да ведь что-нибудь да должно же пристать ко мне от вашей премудрости...» (ч. II, гл. 12). Любопытно, что третий выезд Дон Кихота, описание которого занимает последний том романа, устраивает Санчо и, когда ключница резонно обвинила его в сманивании хозяина, тот бросает удивительную фразу: «А пока вот что я скажу: послушайся меня мой господин, мы бы уж давно были в чистом поле, искореняли бы зло и выпрямляли кривду, как это принято и как это водится у добрых странствующих рыцарей» (ч. II, гл.4). Ну, чем не второй Дон Кихот, хотя и не страдает его недугом? С укоризною, имея в виду «рыцарские» замашки Санчо, говорит ему священник: «Стало быть, Санчо, ты со своим господином одного поля ягода?» (ч. I, гл.47).

Что касается практичности оруженосца, то ведь проявляется она больше на словах, а на деле он такой же беззащитный перед мерзостями жизни, как Дон Кихот. Вся его «нажива» состоит из случайных находок, редких «трофеев» или даров. И к проблеме обогащения он относится философски. Не получится с «островом»? Что ж, «...может статься, что безгубернаторский кусок хлеба такой же вкусный, а то, глядишь, ещё и повкуснее, нежели губернаторский... Как был я Санчо, так Санчо и умру...» (ч. II, гл.4).

Он – жизнелюб, он – материалист, он – душевная уравновешенность, он – плоть земли. Фигура крестьянина, смело введенная в литературу Сервантесом, была великим завоеванием культуры эпохи Возрождения.

3

Действительность, изображаемая в романе, служит фоном, на котором «книжное» бунтарство рыцаря из Ла Манчи выглядит особенно нелепо. Но Сервантес воспользовался пародийной ситуацией и в «обратном» смысле, – чтобы заклеить сам фон, т.е. социальные отношения в Испании.

Хотя в битвах с жизнью Дон Кихот чаще всего бывает повержен, нравственно побеждает он. Слишком неприглядным предстает рядом с ним всё это убогое скопище обитателей гостиниц, стражей власти, погонщиков мулов, деревенских, кулаков, свиноводов, мукомолов, герцогской челяди, монахов и т.д., и т.п.

В эпизоде с каторжниками, о котором уже выше говорилось, Дон

Кихот дерзает пойти против самого короля. «Это каторжники, королевские невольники, их угоняют на галеры», – объясняет ему Санчо. «Как невольники? – переспрашивает Дон Кихот. – Разве король насилует чью-либо волю». И, невзирая на увещания оруженосца, он остаётся непреклонен: «...мне надлежит исполнить свой долг: искоренить насилие и оказать помощь и покровительство несчастным». Дон Кихот против любого принуждения, от кого бы оно не исходило, и, не колеблясь, нарушает волю короля и освобождает узников (ч. I, гл.22). Так осуществляется на практике его апология «золотого века».

Ряд выпадов содержится в романе против церковников и религиозного лицемерия. Как-то ночью Дон Кихот повстречал священнослужителей, перевозивших при факелах мёртвое тело, которое наш идальго принимает за погибшего рыцаря и, вступившись за него, разгоняет «обидчиков» в балахонах. Уже потом Дон Кихот пытается оправдаться тем, что ошибся: «По всей вероятности, Санчо, ...меня уже отлучили от церкви за то, что поднял руку на её Служителя, хотя, в сущности говоря, я поднял не руку, а вот это самое копье». Оправдание звучит слишком наивно, и оба путешественника спешат поэтому поскорее укрыться от преследования среди гор, не забыв, однако, прихватить съестные припасы «господ священников, которые, как известно, редко когда не позаботятся о себе» (ч. I, гл. 19).

Цензоры-инквизиторы исключили из романа крамольную, с их точки зрения, фразу о молитвах и крестных знамениях, сотворенных рыцарем над жестяной с бальзамом Фьерабраса, от которого потом жестоко вырвало беднягу Санчо (ч. I, гл.17). Непочтительным показалось и описание чёток, сделанных Дон Кихотом из подола собственной рубашки (ч. I, гл.26). Но все эти цензурные вымарки не способны были заглушить антицерковную направленность многих страниц произведения, сочиняя которые Сервантес, быть может, вспоминал свои столкновения с духовенством в должности провиантского комиссара.

Резкому осуждению подвергает писатель социальное неравенство. Одна из героинь книги Доротея рассказывает о родителях, честных хлебопашцах, которые «в сущности, теперь уже мало чем отличаются не только от идальго, но даже и от кавальеро». Но формально они все-таки люди неродовитые, и это навлекает несчастье на Доротею: над ней надругался вельможа – сын герцога. С чувством собственного достоинства бросает она ему: «Я ваша подданная, но не раба... я, простолюдинка и поселанка, уважаю себя не меньше, чем вы, сеньор и кавальеро, себя уважаете» (ч. I, гл.28).

Подобное утверждение равенства по существу (его мы находим и в других сочинениях Сервантеса) встречается на страницах «Дон Кихо-

та» неоднократно. Поучая Санчо, рыцарь советует ему «с гордостью» говорить, что он «из крестьян», а далее он высказывает удивительные для Испании того времени вещи: «...кровь наследуется, а добродетель приобретается, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет» (ч. II, гл.42).

Сервантес жил на стыке эпох. Дух стяжательства, торгашества ненавистен ему, клеймившему толстосумов, которые покупали звания и титулы, высмеявшему хозяйчиков и богатеев. Эта критика отчасти наличествует и в образе Санчо Пансы, тронутым всеобщей страстью к наживе. Как-то он принимается размышлять о том, что сделает с неграми-вассалами, когда станет их владельцем: «Погрузить на корабли, привезти в Испанию, продать их тут, получить за них наличными, купить на эти денюжки титул или должность – и вся недолга... Ей-богу, я их живо спущу, всех гуртом или уж как там придётся, но только продам-то я черных, а вернутся они ко мне серебряными да золотыми» (ч. I, гл.29).

Критика общественных не порядков заметно усиливается во второй части романа. Это ощутимо уже в начальном эпизоде тома, где повествуется о беседе Дон Кихота с его деревенскими друзьями, «...наконец речь зашла о так называемых государственных делах и образах правления, причём иные злоупотребления наши собеседники искореняли, иные – осуждали, одни обычаи исправляли, другие – упраздняли, и каждый чувствовал себя в это время новоявленным законодателем: вторым Ликургом или же новоиспеченным Солон¹¹, и так они всё государство переиначили, что казалось, будто они его бросили в горн, а когда вынули, то оно было уже совсем другое...». Они рассуждают о туче всевозможных проектов спасения Испании, которые предлагались королю, проектов «неосуществимых, бессмысленных или же вредных» (вспомним образ такого прожектера из «Новеллы о беседе собак»). И здесь Дон Кихот не преминул тоже выступить в роли прожектера, предлагая его величеству помощь подобных себе рыцарей для отражения турецкой опасности: «Хотя бы даже их явилось не более полдюжины, среди них может оказаться такой, который один сокрушит всю султанову мощь...» (ч. II, гл.1). Донкихотское праздномыслие как нельзя ярче подчеркивает в этом случае идиотизм прожектерства как явления.

И такой же политический смысл заключён во многих других эпизодах второй части. Вот сцена, где Дон Кихот просит Санчо рассказать о невинной, казалось бы, вещи: «Что говорят обо мне в нашем селе? Какого мнения обо мне простонародье, идальго и кавальеро?». Но кро-

¹¹ Ликург, Солон – древнегреческие законодатели.

ме любопытства тут присутствует и иное – он просит это сделать без утайки, «ибо верным вассалам надлежит говорить сеньорам своим всю, как есть, правду, не приукрашивая ее ласкательством и не смягчая её из ложной почтительности». Здесь прямой намёк на лесть придворной камарильи, отстранившей от дел слабовольного Филиппа III, и на мнение простонародья, что король не ведаёт, что творится в его королевстве. Об этом прямо заявляет Дон Кихот: «И тебе надобно знать, Санчо, что когда бы до слуха государей доходила голая правда, не облаченная в одежды лести, то настали бы другие времена, и протекшие века по сравнению с нашим стали бы казаться железными, тогда как наш, должно думать, показался бы золотым» (ч. II, гл.2). Наивные представления современников Сервантеса о своем бездарном правителе, который не способен изменить жизнь в лучшую сторону!

Нашло отражение в романе варварское изгнание морисков из Испании в 1609-1610 годах, на котором нажилась кучка сановной знати. Отношение Сервантеса к потомкам арабов не всегда отличалась справедливостью: в душе были живы впечатления от мусульманского плена. Но во второй части «Дон Кихота» писатель занимает гуманную позицию, положительно изобразив образ одной из жертв учиненного произвола мориска Рикоте. Встретив на дороге своего соседа Санчо Пансу, он, тайком вернувшийся после изгнания на родину, рассказывает ему о своих злоключениях. И хотя на словах королевская мера вроде бы оправдана, но на деле она, по мнению мориска, «показалась более чем ужасной. Всюду, куда бы ни забросила нас судьба, мы плачем по Испании: мы же здесь родились, это же настоящая наша отчизна...». Рикоте сумел устроиться в Германии, где «местные жители на разные мелочи не обращают внимания: каждый живет, как хочет, ибо почти во всей стране существует свобода совести» (ч. II, гл.54). В обстановке религиозной нетерпимости, преследований и сожжения на кострах еретиков так сочувственно отозваться о презренных иноверцах и о свободе совести у протестантов мог только широко мыслящий человек!

Заметное место отводит Сервантес в эпопее борьбе с пороками средневековой идеологии, царившей в Испании. «Дон Кихот» в этом плане блистательно продолжает традицию, заложенную в начале XVI века Эразмом Роттердамским с его памфлетом «Похвальное слово глупости» и Франсуа Рабле с его книгой о Гаргантюа и Пантагрюэле: тот же сарказм в бичевании псевдоучёности, та же благородная злость по отношению к схоластам.

В «Прологе» к первой части, в обильных посвящениях к роману убийственному осмеянию подвергнуты многие наукообразные сочинения, пустые по содержанию, но щедро обставленные примечаниями,

выносками на полях и перечнями якобы использованной литературы в конце. «Это беда поправимая, – говорит Сервантесу его друг, советующий и «Дон Кихоту» придать вид повнушительней, – постарайтесь только отыскать книгу, к коей был бы приложен наиболее полный список, составленный, как вы говорите, в алфавитном порядке, и вот этот алфавитный указатель вставьте-ка в свою книгу». И обмана бояться не нужно, так как «вряд ли кто станет проверять, следовали вы кому-либо из этих авторов, или не следовали, ибо никому от этого ни тепло, ни холодно».

По пути к пещере Монтесиноса у Дон Кихота происходит беседа с проводником-студентом, заявившим, между прочим, что «упражнения и труды его состоят в сочинении книг, весьма полезных для государства и весьма увлекательных...» В одном из «исследований» этого горючего серьезно рассматривается вопрос, кто первый на свете схватил насморк: «...я даю о том наиточнейшие сведения и ссылаюсь более чем на 25 авторов, – судите же сами, ваша милость, сколько я положил на эту книгу труда и какую пользу принесёт она всем людям». Смешливый Санчо не в силах удержаться, чтоб не задать самодовольному всезнайке свои «чепуховые» вопросы: Кто первый почесал у себя в голове? Кто был первым на свете акробатом? (ч. II, гл.22).

Срывание Сервантесом масок с шарлатанства от науки не утратило своей злободневности и поныне, как не потерял значения и другой, чрезвычайно важный аспект романа, а именно: критикой «книжных» бредней Дон Кихота человечеству оставлено великое предостережение – чтобы успешно двигаться вперед, всякую теорию, книгу следует выверять опытом, жизнью.

4

Центральными событиями романа, его кульминацией, являются эпизоды пребывания рыцаря и оруженосца в доме у герцогов, включая и историю кратковременного «губернаторства» Санчо на острове Баратария (ч. II, гл.30-51, 68-70). Именно здесь решающим образом сталкиваются силы добра и зла, и добро в лице Дон Кихота побеждает.

Герцогиня и герцог уже знают, кто такой Рыцарь Печального Образа, а потому и не удивляются встрече с ним, решив «потворствовать всем его прихотям, поддакивать ему...» Пригласив его в замок, они устраивают здесь подлинную игру в рыцарство, втягивая в неё челядь и усугубляя в госте его иллюзии. «И тут он (т.е. Дон Кихот – ОГ) впервые окончательно убедился и поверил, что он не мнимый, а самый настоящий странствующий рыцарь, ибо все обходились с ним так же точно,

как обходились с подобными рыцарями во времена протекшие, о чём ему было известно из романов» (ч. II, гл.31).

Но не всё герцогское окружение принимает эту игру. С самого начала у Дон Кихота и его спутника появляется умный враг – это происходит у роскошно убранного стола, где гостей встречает чета хозяев замка и «некий важный священник из числа тех, которые у владетельных князей состоят в духовниках» и, по мысли Сервантеса, все меряют «собственным духовным убожеством». Никогда ещё, пожалуй, не слышал Дон Кихот столь злобных, но пронизательных слов, сказанных в свой адрес, чем от этого, сидевшего напротив, человека. «Я склонен думать, – обращается тот к герцогу, – что этот самый Дон Кихот, Дон Остолоп или как его там, не столь уже слабоумен, каким ваша светлость себе его представляет, а потому и не след вам потворствовать его дурачествам и сумасбродствам». Грубо, прямо в глаза, заявляет он Дон Кихоту: «Послушайте вы, пустая голова: кто это вам втемяшил, что вы странствующий рыцарь...?»

Видимо, и Дон Кихот чувствует не совсем обычное в издевательском выпаде духовника. Сдержанно и достойно отвечает он противнику, что он именно и есть рыцарь: «Я неизменно устремляюсь к благим целям, а именно: всем делать добро и никому не делать зло...»

А герцогиня и герцог неистощимы в придумывании проказ и шуток. Чинно сидит за церемонией омовения, намыленный весь, Дон Кихот, не подозревая, как он смешон и жалок. И только после издевательств над Санчо, когда герцогиня «умирала со смеху» от забав, Дон Кихот, по словам автора, «не пришёл в восторг...».

О проделках хозяев и их прислуги повествуется бесстрастно, как о чём-то совсем обычном, и в этом спокойствии таится сатирический заряд большой силы. Автор словно находит естественным для этих праздных, беспринципных людей издевательство над бедным идалго и его товарищем. После многих, тягостных «шутков» герцогской пары Сервантес выносит ей суровый приговор: «Шутники были так же безумны, как и те, над кем они шутки шутили, ибо страсть, с какою герцог и герцогиня предавались вышучиванию двух сумасбродов, показывала, что у них у самих не все дома» (ч. II, гл.70).

Но за одну шутку мы должны быть признательны этим черствым людям: ради очередного развлечения они преподносят Санчо столь желанный им «остров». Пусть это не настоящий остров, пусть шутка остаётся лишь шуткой и финал ее не лучше других, но зато весь этот эпизод со знаменитым правлением Санчо Пансы дал возможность показать таящиеся в простом мужике способности, запечатлеть идею истинного народовластия.

Всего шесть дней пребывает Санчо в должности губернатора, вступив в неё без излишней боязни. В ответ на совет герцогини взять с собою ослика он с иронией говорит: «А что вы думаете, сеньора герцогиня?.. я сам не раз видал, как посылали ослов управлять, так что если я возьму с собой своего, то никого этим не удивлю» (ч. II, гл.33).

Вообще история губернаторства Санчо во всех своих деталях есть не что иное, как скрытая полемика, как укор существовавшей в Испании насквозь прогнившей системе правления. Это, в частности, отчетливо сквозит в наставлениях, которые Дон Кихот дает своему оруженосцу. «Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола..., – советует он ему. – Пусть слёзы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача» (ч. II, гл.42). Он получает Санчо быть снисходительным, беспристрастным, стремиться «снискать любовь народа», стараться создать в стране изобилие и довольство.

Конечно, за несколько дней Санчо не успевает выполнить и малой доли наставлений своего господина. И все же решительные меры, которые он принимает по наведению на «острове» порядка, внушают уважение. Он запрещает спекуляцию, устанавливает всем точное жалование, учреждает должность по делам бедняков и т.д. Кто-то называет его, правителя, «доном Санчо Панса» и это служит поводом для отповеди всякому тщеславию: «Ну, так запомни, братец, – сухо бросает он домоправителю, – что я не дон, и никто в моем роду не был доном: меня зовут просто Санчо Пансою, и отца моего звали Санчо, и Санчо был мой дед, и все были Панса, без всяких этих донов да распродонов» (ч. II, гл.45).

Во время обхода «острова» губернатор высказывает пожелание закрыть игорные дома, «очистить остров от всякой дряни – от бродяг, лодырей и шалопаев», он хочет оказать покровительство крестьянам и идалго. Действия и высказывания Санчо-губернатора были актуальны для своей эпохи. И те, кто забавлялся над ним, поражены его умом. «Начинается дело с шутки, – говорит смущенный домоправитель, – кончается всерьёз, хотел кого-то одурачить – глядь, сам в дураках остался» (ч. II, гл.49). Картины того, как вершит правосудие безграмотный, но мудрый крестьянин, впечатляют своим светом, добрым юмором и особенной приподнятостью. Ведь в губернаторском кресле восседает сам народ¹².

Патетична концовка эпизода. Санчо не выдерживает издевательств:

¹² Действия Санчо напоминают отчасти меры графа де Пуньонростро в Севилье в 1597 году, когда там жил Сервантес. Лично человек честный, граф пытался обуздать бандитизм, спекуляцию, бродяжничество, но потерпел неудачу.

голодный, издерганный мнимыми тревогами, он забирает своего Серого и уезжает прочь. Минута, когда он расстается с мечтой об «острове», когда в нём поколеблено доверие к людям, – одно из самых трогательных мест в великом романе: «Дайте дорогу, государи мои! Дозвольте мне вернуться к прежней моей свободе... Я куда лучше умею пахать и копать землю, подрезывать и отсаживать виноград, нежели издавать законы и оборонять провинции и королевства... Каждый должен заниматься тем делом, для которого он рождён» (ч. II, гл.53).

С облегчением покидают Дон Кихот и его верный помощник герцогский замок: они чувствуют, что стали объектом издевательств, и давно тяготятся «праздной жизнью». А покинув замок, «в открытом поле», Дон Кихот произносит замечательную речь о том, что такое свобода и как дорого она обходится людям: «Ради свободы так же точно, как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью, и, напротив того, неволя есть величайшее из всех несчастий, какие только могут случиться с человеком» (ч. II, гл.58).

Продолжением «герцогского» цикла является встреча Дон Кихота по пути в Барселону с благородным разбойником Роке Гинарт. Гинарт – лицо историческое, современник Сервантеса. Со своей шайкой он действовал против каталонских феодалов и пользовался любовью среди простых людей. Учтиво и с уважением обходится он с ламанчским рыцарем, видя в нем собрата по оружию, провожает его в Барселону. Независимость и приволье, в которых протекает жизнь Гинарта и его товарищей, еще больше подчеркивают искусственную атмосферу и бездушие обитателей дома герцогов.

ОТКРЫТИЮ НЕТ КОНЦА

«Вот, сеньоры, и вся моя история, – судить же о том, насколько она занимательна и необычна, предоставляется вашему просвещенному мнению».

Сервантес «Дон Кихот», ч. I, гл. 41

1

Удар за ударом сыплется на Дон Кихота, ослеплению, преследовавшему его на протяжении всей истории, приходит понемногу конец. Когда однажды они с Санчо добираются до придорожной гостиницы, то чувства не обманывают, как прежде, рыцаря: «И, к радости Санчо, Дон Кихот принял его не как обыкновенно – за некий замок, а за самый настоящий двор» (ч. II, гл.24). Мрачные предчувствия все чаще посещают Дон Кихота: «Моя жизнь – это всечасное умирание...». И после того, как их опрокидывает бычье стадо, он с горечью восклицает: «...и вот в конце концов, когда я ожидал пальм, триумфов и венков, которые я заработал и заслужил доблестными моими подвигами, по мне нынче утром прошлись, меня истоптали, избили ногами грязные эти и гнусные твари» (ч. II, гл. 59). Ламанчский идальго видит, как надвигается, подавляет его и его добрые замыслы жестокий, реальный мир.

Развязка наступает в Барселоне. Дон Кихот побежден Рыцарем Белой Луны. Поверженный ниц, голосом слабым и глухим, он говорит: «Дульсинея Тобосская – самая прекрасная женщина в мире, а я самый несчастный рыцарь на свете, но моё бессилие не должно поколебать эту истину. Вонзай же копьё своё, рыцарь, и отними у меня жизнь, ибо честь ты у меня уже отнял» (ч. II, гл. 64). Но противник согласен признать красоту Дульсинеи. Зато по условиям поединка идальго обязан на год удалиться в родное село. Так, воспользовавшись рыцарским этикетом, друзья Дон Кихота осуществляют свой план вернуть безумца домой (рыцарь Луны был переодетый бакалавр Самсон Карраско),

Тщетно пытается Санчо утешить в горе своего господина, вселить в него бодрость: «Выше голову, государь мой!» (ч. II, гл.65). Ничто уже не в силах вывести из тоски побеждённого героя. Как возмездие свыше, воспринимает он случай со свиньями, которые опрокинули его и Санчо (ч. II, гл. 68). Не видать ему больше несравненной Дульсинеи. Пришёл

закат.

Очень печально кончается книга. Прозрев, он умирает, оплакиваемый домочадцами и друзьями. Он преодолел рыцарские заблуждения, прокляв их. Снова он не Дон Кихот, а прежний Алонсо Кихано, по прозвищу Добрый, ибо всегда желал добра людям.

Такой финал, конечно, опять заставляет взглянуть на всю эпопею в целом и задуматься над ее смыслом.

2

Найдётся не более двух десятков книг во всей мировой литературе, которые были бы так популярны. О том, что роман имеет успех у читателей всех возрастов и положений, сообщает во второй части книги Самсон Карраско, заметив при этом, что «она совершенно ясна и никаких трудностей не представляет...» (ч. II, гл.3).

Объяснение подобному факту может сначала показаться странным: у «Дон Кихота» так много самых разных читателей потому, что, помимо занимательности, книга исключительно глубока и сложна по содержанию, и всякий, кто обратится к ней, почерпнёт мысли и чувствования, близкие для себя в данный момент, но это совсем не будет означать, что он исчерпает всё.

Начать с того, что какую бы сторону романа мы не взяли, нам, как правило, не подыскать для неё однозначного определения. Повествование ведётся от имени Сервантеса, но также и устами некоего «автора» – мудрого мавра Ахмета бен-Инхали. Это грандиозная пародия, но в то же время и нечто большее. Книга забавна и смешна, что не раз подчеркивается в тексте, но это ещё и произведение грустное. Г. Гейне писал: «...сердце моё готово было разорваться, когда я читал о том, как благородный рыцарь, оглушённый и весь смятый, лежал на земле...»

Действительность в романе предстает в восприятии то сумасшедшего, то разумного человека. И само помешательство придумано, чтобы через него: 1) осмеять плохие «рыцарские» романы; 2) восславить в людях рыцарское поведение; 3) заклеить безумный окружающий мир стяжательства и эгоизма; 4) утвердить в каждом веру в свои силы и т.д.

А проблемы соответствия идей времени, проверки теории практикой и чувств опытом! Вспомним спор о тазике. Цирюльник уверяет, что таз этот – для бритья, и он прав, но вокруг умышленно принимаются утверждать, что это совсем не таз, а Мамбринов шлем, и ложное мнение толпы вынуждает человека заколебаться в мнении, усомниться в себе (ч. I, гл.45). Искусно выписанная, смешная сценка, но в ней поставлен важнейший философский вопрос о достоверности наших ощущений и

необходимости отстаивать собственное мнение.

Или Дульсинея – кто она? Непостижимый идеал любви? Мечта о красоте? Гармония физического и духовного начал в человеке? Или безобразная реальность в расцветенном фантазией одеянии?

Сколько раздумий и вопросов порождает роман, и не всегда находится ответ на них.

О главных-то героях эпопеи мы, казалось бы, знаем всё: произведение более чем в тысячу страниц посвящено, в основном, им. Где-то встречаешь даже сетования автора на то, что это «ему вспало, дескать, на ум взяться за такой неблагоприятный и узкий предмет, как история Дон Кихота, ибо он поставлен в необходимость всё время говорить только о Дон Кихоте и Санчо и лишен возможности прибегать к отступлениям и вводить разные другие эпизоды, более значительные и более занимательные...» (ч. II, гл.44). Но, с другой стороны, что мы о них знаем?

Менее всего они походят на марионеток, послушно исполняющих отведенные автором роли. Несмотря на условность пародии и гротеска обрисовка их глубоко психологична, исходит из жизненных обстоятельств. Они – не схемы, не символы, а живые, сотканые из противоречий люди, каждый со своим характером, меняющимся от главы к главе, что не мешает им быть цельными. Как это бывает и в самой жизни.

И большая роль в выявлении характеров принадлежит несравненной речи, великолепным словесным поединкам ламанчских путешественников, занимающим основную долю их времени. Без народного, пересыпанного пословицами и шутками языка Санчо и без литературно отлаженной, «интеллектуальной», с блестящими крестьянского жаргона, речи Дон Кихота эти персонажи не существуют.

Дон Кихот чувствует шутку, не прочь посмеяться. Ночь напролёт слушают они с Санчо, недоумевая, странные звуки, и думают о них неведь что. А наутро оказывается, что это грохочут обыкновеннейшие сукновальни. Это против ожидания так неожиданно просто. «Увидев, что это такое, Дон Кихот онемел и замер на месте. Санчо взглянул на него и увидел, что он как бы в смущении потупился». Смех разобрал рыцаря, а Санчо «разразился таким неудержимым хохотом, что, дабы не лопнуть, принуждён был упереться руками в бока». Это повторяется не раз, пока Дон Кихот не вспомнил, что такое поведение ему не к лицу, и не побил, рассвирепев, дерзкого оруженосца (ч. I, гл. 20).

Сделавшись рыцарем, Дон Кихот не утрачивает живых черт: он лукав, неистов, остроумен, весел, патетичен, несправедлив, хитёр, вдруг практичен. Среди высоких мыслей о подвигах он не забывает, утомившись, поспать, поесть, не отказываясь даже от грубой мужицкой пищи, далекой от яств «рыцарских» романов. Неслыханный храбрец, он не-

сколько раз впадает в трусость. Когда Санчо за постой в гостинице рас-плачивается подбрасыванием на одеяле, Дон Кихот обрушивает на мучителей поток ругательств, но сам не вмешивается, оправдывая потом своё бездействие тем, что «по всей вероятности был заколдован» и не мог сойти с места. Санчо совершенно не согласен с таким объяснением, прозрачно намекая на более вескую причину: «Так что, государь мой, перескочить через забор и слезть с коня вам помешало не колдовство, а что-то другое» (ч. I, гл.18). Своего оруженосца он любит, ценит, смеется над ним, удивляется, следует его советам, покорно терпит его резкости. «Говорите, сударь, все, что вам придёт в голову и что вертится у вас на языке, – лишь бы у вас ничего не болело, я же безропотно снесу ваши дерзости» (ч. II, гл.28).

Такой же разноликий и «пёстрый» в душевных проявлениях и Санчо. Трусливый и отважный, обидчивый и быстро забывающий обиды, заискивающий перед кошельком и презирующий богатство, доверчивый, скептический, мечтательный, мудрый – таков этот крестьянин, променявший деревенское житьё на полный опасностей рыцарский быт. О переливающимся гранями характере «самого уморительного из всех оруженосцев» отлично сказал в беседе с герцогиней сам его хозяин: «Простоватость его бывает подчас весьма остроумною, и угадывать, простоват он или же себе на уме, немалое доставляет удовольствие. Некоторые его хитрости обличают в нём плута, иные оплошности заставляют думать, что он глупец. Он во всем сомневается и всему верит. Иной раз думаешь, что глупее его никого не свете нет, и вдруг он что-нибудь так умно скажет, что просто ахнешь от восторга, – одним словом, я не променял бы его ни на какого другого оруженосца, хотя бы в придачу мне предлагали целый город» (ч. II, гл.32).

Начиная роман, Сервантес вряд ли представлял себе, во что он выльется потом. Но где-то его захватили созданные им образы и повели за собой, как это бывает с великими художниками. По словам В.Г. Белинского, «он более живописал действительность, нежели пародировал устарелую манеру писания романов, может быть, вопреки самому себе, своему намерению и цели». Именно благодаря «живописанию» получились такие яркие, правдивые характеры и жизнь предстала рельефно и ярко.

Сервантес попытался обновить «рыцарский» жанр, привести его в соответствие с живой действительностью. «Но также, как Колумб, мечтавший найти короткий путь в Индию, вместо того наткнулся на Новый Свет, так и Сервантес, – заметил литературовед В. Шкловский, – не реформировал рыцарский роман, а создал новый роман». Сегодняшний роман, ёмкий, гибкий, необыкновенно разнообразный, ведущий жанр

мировой литературы, начинает своё летоисчисление с «Дон Кихота».

За разбором книги не забудем о её авторе: создав беспримерную по сложности систему «двуединого образа», с вечностью говорил сам Сервантес. Он сжился со своими героями, вкладывая то в того, то в другого из них собственный опыт. «Для меня одного родился Дон Кихот, а я родился для него; ему суждено было действовать, мне – описывать; мы с ним составляем чрезвычайно дружную пару...» (ч. II, гл. 74).

3

Борьба точек зрения на произведение Сервантеса и ее основных персонажей началась еще при жизни автора. В своём подложном продолжении «Дон Кихота» Авельянеда (1614 г.) намеренно исказил смысл романа, изобразив рыцаря вралем и дураком, а его оруженосца – простаком и обжорой. Сервантес приложил немало сил («Пролог» к второй части и заключительные главы книги, начиная с 59), чтобы отвергнуть подобное толкование.

Однако в целом сущность художественного подвига Сервантеса его современники не уловили. Следуя буквальным призывам автора, они восприняли эпопею с ее комическо-развлекательной стороны, только как осмеяние рыцарщины в литературе.

Лишь с течением времени, когда злоба дня отступила на задний план, то, что в романе казалось главным, обернулось всего исторической формой, а зато обнажилась глубинная суть – открытие писателем типической жизненной ситуации, донкихотства. Это тонко отметил В.Г. Белинский, исключительно ценивший творение великого испанца: «Идея Дон Кихота не принадлежит времени Сервантеса, она – общечеловеческая, вечная идея, как всякая «идея», Дон Кихоты были возможны с тех пор, как явились человеческие общества, и будут возможны, пока люди не разбегутся по лесам. Дон Кихот – благородный и умный человек, который весь, со всем жаром энергической души, предался любимой идее; комическая же сторона в характере Дон Кихота состоит в противоположности его любимой идеи с требованием времени, с тем, что она не может быть осуществлена в действии, приложена к делу». И далее: «...но более всего бывают Дон Кихотами люди с пламенным воображением, любящего душою, благородным сердцем, даже с сильною волею и с умом, но без рассудка и такта действительности. Вот почему в них столько комического, а комическое их так грустно, что возбуждает смех сквозь слёзы». Мнение В.Г. Белинского, раскрывшего общечеловеческий смысл, заложенный в Дон Кихоте, представляет огромный интерес.

Но существует и множество других оценок и толкований, и одним из лучших в их ряду является отзыв Генриха Гейне. В своем проникновенном «Введении» к немецкому изданию романа (1837 г.) он, согласившись с тем, что Сервантес своим выступлением убил «рыцарскую» литературу, прибавлял: «Но перо гения всегда больше самого гения, оно всегда достигает гораздо дальше, чем это предполагалось в его замыслах, обусловленных временем, и Сервантес, сам того ясно не сознавая, написал величайшую сатиру на человеческую восторженность». Под донкихотской «восторженностью» немецкий поэт понимал не только стремление возродить прошлое, но и «слишком рано ввести будущее в настоящее». Роман, по мысли Гейне, «как бы лёгок и фантастичен он ни был, опирается на грубую земную действительность, иначе он не стал бы народной книгой».

Замечательно сказал о Дон Кихоте русский писатель И.С. Тургенев, выступивший в 1860 году в Петербурге со своей знаменитой речью «Гамлет и Дон Кихот». Его жизнь – это жизнь вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам – волшебникам, великанам, то есть притеснителям». Без Дон Кихотов, без этих чудаков, главная черта которых «вера прежде всего, вера в нечто вечное, незыблемое, в истину», человечество не двигалось бы вперед...

Исключительны по страстности высказывания о романе, принадлежащие Ф.М. Достоевскому. «Во всём мире нет глубже и сильнее этого сочинения, – писал этот крупнейший мастер литературы в 1876 году. – Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если бы кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: «Что, поняли ли вы вашу жизнь на земле и что об ней заключили?» – то человек мог бы молча подать дон Кихота: «Вот мое заключение о жизни и можете ли вы за него осудить меня?». Дон Кихот, – по словам Герцена, – один из самых трагических типов людей, переживших свой идеал». Критик Д.И. Писарев видел и благородных «будущих дон Кихотов жизни», людей, «всегда готовых ломать копьё за свои идеи, всегда действующих открыто и смело и часто погибающих за доброе дело».

Каждое поколение и каждый возраст высказывают о романе своё суждение. «Дон Кихот» – книга и её заглавный герой – сопровождают по жизни любого из нас, как сопутствовали они Г. Гейне, Г. Флоберу, М. Горькому, Т. Манну, М.А. Нексе и многим другим. «Каждый человек есть немножко Дон Кихот», – заметил Белинский. В разных случаях на протяжении жизни мы этим образом поверяем себя. «Как только я испытываю потребность яснее разобраться в себе самом и лучше осознать

свою эпоху, я инстинктивно обращаюсь к этой книге», – писал известный французский поэт Ж.-Р. Блок.

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ – НА ПАРНАС И ПО СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

*«Счастлив человек или нет – это по-
знаётся не когда он приходит в мир, а
когда он уходит из мира»,*

*Сервантес «Странствия Персилеса и
Сихизмунды».*

1

Через всю жизнь пронёс Сервантес возникшую в юности привязанность к литературе, желание писать самому. Однако обстоятельства, и прежде всего нужда, постоянно отвлекали его от творчества.

*Я шел стезёю правды неизменной,
Мне добродетель спутницей была.
Но все ж теперь, представ на суд священный,
Я не могу не вспомнить, сколько зла
Узнал, бродя по жизненным дорогам,
Какой урон судьба мне нанесла!*

Эти гордые и горькие строки – из большой поэмы «Путешествие на Парнас», над которой писатель трудится в 1612-1613 годах (опубликована в 1614 г.), подводя итоги своей литературной работе.

Уже пожилым человеком Сервантес, так любивший скитания по белу свету, отправляется в ещё одно путешествие, теперь, правда, мысленное, в Грецию, к священной горе, где, по представлению древних, обитали музы искусств и их покровитель – бог Аполлон. Ему-то и собирается дать отчёт о пережитом Сервантес и, взяв «немного сыра, хлеба», трогается на скакуне в путь.

Заметивший его вестник Аполлона Меркурий изумлен, как бедно одет Сервантес:

*«Адам поэт, как ты опустился!
Сервантес, ты ль в обличьи таком?
Зачем в дорогу нищим ты пустился?
К чему висит котомка за плечом?»*

*Я, встав, сказал с улыбкой виноватой:
«Сеньор, я отправляюсь на Парнас,
Но, нищетою измученный проклятой,
Другой одежды в путь я не припас».*

Но бедность, тема которой звучит сильно в этом автобиографическом сочинении, не удручает писателя. Среди пошлости и пороков быта его всегда спасало вдохновение Аполлона:

*Кто чтит его божественный закон,
Тот не сойдет на низкий путь наживы,
За прибылью не гонится ни в чём.*

С великой нежностью, как о самом заветном, пишет Сервантес о своем счастливом жребии поэта:

.....
*И дни его виденьями согреты,
И жизнь подобна жизни игрока.*

*Ткань, из которой созданы поэты,
Упруга и податливо – мягка.
Их по земле ведёт воображенье,*

*Их носит прихоть на крылах живых,
Восторги им дарует вдохновенье.
Не звон червонцев, но звенящий стих –*

*Вот власть их, вот их сила, вот услада!
Пускай молва что хочет врёт о них!
Я сам, друзья, поэт такого склада.*

*Как лебедь, голова моя седа.
С вороньим хрипом в месяц листопада
Схож голос мой, простуженный всегда.*

*Не обтесали мой талант нимало
Ни тяжкий труд, ни долгие года.*

О высоком назначении поэзии, о муках творчества, об особенностях литературных жанров Сервантес на закате жизни высказывается

нередко и в других сочинениях – в новеллах, в «Дон Кихоте», в романе «Странствия Персилеса и Сихизмунды». «Преимущество поэзии, – пишет он в последнем романе, – заключается, однако ж, в том, что она как ключевая вода: будучи сама по себе чиста и прозрачна, она не брезгает и нечистым; она – как солнце, коего лучи проходят сквозь всякую скверность, но так, что никакая грязь к ним не пристаёт; это такое искусство, которое ценится по действительной своей стоимости; это молния, вырывающаяся из своего заточения, но не для того, чтобы опалить, а чтобы озарять; это музыкальный инструмент, нежащий и увеселяющий наши чувства, – инструмент, который не только улаживает нас, но и возвышает наш дух и приносит пользу». Как же должен быть чист сердцем, возвышен душой, всеведущ тот, кто творит этот дивный мир!

...Но вернёмся к поэме. Меркурий утешает Сервантеса: оставайся собой до конца. На Парнасе происходит встреча его с девой Поэзией – главной из нимф. Беспристрастно, забыв обиды и невзгоды, поэт повествует на судилище о себе и о своих товарищах (числом 242!) по перу.

2

Мы не можем с достоверностью сказать, какова была внешность Сервантеса: не дошло ни одного прижизненного портрета писателя. Зато многие художники и литераторы пытались воссоздать его вероятный портрет.

Сервантес в молодости: «Юноша с живыми глазами вошёл в комнату. Когда он выпрямился после глубокого поклона, на лице его вдруг отразилось – чрезвычайно комично – величайшее изумление. Оно было понятно: юноша ожидал увидеть седовласого патриарха, а оказался лицом к лицу со сверстником. Рот его приоткрылся, а сверкающие глаза стали совсем круглыми. Даже его благородный нос производил комическое впечатление, – словно он один был прежде всего завершен на неоформившемся лице и лишь впоследствии к нему стало присоединяться все остальное.

– Приблизьтесь же, – сказал кардинал и почувствовал, что смех щекочет ему горло. – За вас с энтузиазмом ходатайствовал ваш ректор.

– Маэстро Ойос очень добр ко мне, ваше преосвященство. Он знает, что я беден, и хочет мне помочь.

Голос был вполне сложившийся и, хотя не глубок, но звучен и полон мужественной теплоты».

Так описывает встречу Мигеля с кардиналом Аквавивой писатель Бруно Франк в своей биографической книге о Сервантесе.

А вот как представляется читателям своих новелл Сервантес – 65

летний старик: «Человек, которого вы здесь видите, с овальным лицом, каштановыми волосами, с открытым и большим лбом, веселым взглядом и горбатым, хотя и правильным, носом; с серебристой бородой, которая, лет двадцать тому назад, была ещё золотая; длинными усами, небольшим ртом; с зубами, сидящими не очень редко, но и не густо, потому что у него их всего-навсего шесть и притом очень неказистых и плохо расставленных, ибо соответствия между ними нет; роста обыкновенного, ни большого, ни маленького; с хорошим цветом лица, скорее светлым, чем смуглым; слегка сутуловатый и тяжелый на ноги, – есть не кто иной, как автор Галатеи и Дон Кихота Ламанчского...»

Сколько событий, разочарований и редких удач пролегло между датами этих портретов, прежде чем Сервантес понял, что конец близок. «Я уже в таком возрасте, – признавался он, – что мне не приходится шутить шутки с загробной жизнью». (Из «Пролога» к «Назидательным новеллам»). Не каждый способен перейти жизненное поле, не растеряв лучших душевных качеств. Сервантес их приумножил.

О его благородстве свидетельствуют и факты, и люди. Что был он прост, общителен, отзывчив на горе. Легко уязвимый, был на редкость терпелив, сдержан. Этому он научился в плену и в севильскую пору. По собственному суждению, был скромн, даже кроток в мягкости и «ни с кем как будто не враждовал». Но появлялось зло – и бой принимал открыто, ценил красоту. Всякую красоту – природы, сражений, книг, женщин. Людей уважал по делам их, а не по крови или положению. Как задушевно, часто на «ты», беседует Сервантес со своим читателем в прологах и лирических отступлениях! Чурался лести, дорожил независимостью.

С юности он «прислушивался» к себе, познавая свой характер, воспитывая наблюдательность и самокритичность. В этом один из главных источников его сатиры, ибо, не поняв себя, нельзя видеть недостатки других. Ещё он размышлял – много, всегда. И чтение его сочинений приносит такое же наслаждение, как беседа с умным, бывалым человеком.

Возможно, что призванием его было дело. Он жаждал действия. Но жизнь отняла у него такую возможность, оставив за ним лишь слово. В своём «Дневнике» поэт Байрон, выделил Сервантеса среди немногих писателей, «которые были доблестными и деятельными гражданами».

Если бы старый писатель мог «переиграть» свою жизнь, он, может быть, прожил бы её так же: Сервантес не жалел о прошлом, гордился им. Не будучи по натуре революционером и низвергателем, он сказал такую пронзительную по глубине правду, которая потрясла человечество на века.

В соразмерности свойств своего огромного таланта, в спокойной цельности взгляда на мир, напоминающей Гёте или Пушкина, Сервантес, воплотив в себе лучшие черты национального испанского гения, дейтоино представил свой народ в мировой культуре.

3

Февраль 1615 года. В Мадрид прибывает чрезвычайное посольство французского короля Людовика XIII. 25 числа с членами посольства встречается лицензиат М^аркес Т^оррес – цензор второй части «Дон Кихота», «Когда речь зашла о том сочинении, которое я в данное время цензурирую, – вспоминает в своём отзыве лицензиат, – они, едва услышав имя Мигеля де Сервантес, принялись рассказывать о том уважении, которым пользуются во Франции и в сопредельных королевствах его творения – «Галатея», которую один из них знает почти всю наизусть, первая часть «Дон Кихота» и новеллы. Похвалы их были столь велики, что я предложил им навестить автора этих трудов; они ответили выражением живейшего желания осуществить это. Они подробно расспрашивали меня о его возрасте, занятиях, положении и состоянии. Я вынужден был сказать им, что он стар, солдат, идалго и беден. На это один из них ответил следующими, точно передаваемыми здесь словами: «Значит, такого человека Испания не сделала очень богатым и не поддерживает на государственный счёт». Тут вмешался другой кавалер, высказав с большим остроумием мысль: «Если нужда заставляет его писать, дай бог, чтобы он никогда не жил в достатке, ибо своими творениями, будучи сам бедным, он обогащает весь мир».

Новый 1616 год не внёс перемен в его скромные будни. Сервантесу 68 лет. Силы тают, но дух по-прежнему крепок, «...ведь пока человек жив, он всё на что-то надеется», – замечает он в романе «Странствия Персилеса и Сихизмунды», работа над которым близка к завершению. Одновременно трудится над новым романом «Достославный Бернардо», циклом новелл «Недели в саду» и комедией «Обман для глаз». Программа обширна, а писатель спешит, трезво оценивая свои возможности. «Я много беру на себя при своих слабых силах, но кто властен наложить узду на мысли?» (из «Пролога» к «Назидательным новеллам»).

Видимо, весной 1616 года болезнь, которой писатель страдал и прежде, заметно обострилась. 26 марта в письме к архиепископу Толедскому, Бернардо де Сандоваль-и-Рохасу, проскальзывают грустные ноты: «...если б от недуга, что терзает меня, существовало какое-нибудь лекарство, им могли бы стать проявления милости и внимания, которые

неоднократно изволило высказывать ко мне Ваше Преосвященство. Но, сказать по чести, болезнь настолько меня одолела, что, полагаю, совсем покончит со мной, но не со словами моей Вам признательности».

Приблизительно в эту пору больной Сервантес совершает поездку на родину жены, в Эскивиас, и по пути домой встречается с неким студентом, выразившим восхищение талантом писателя, «...тронув поводья, мы не спеша поехали дальше, – рассказывает Сервантес в «Прологе», к «Странствиям Персилеса и Сихизмунды», – и, как скоро у нас зашел разговор о моей болезни, добрый студент отнял у меня всякую надежду на выздоровление, сказав:

– Болезнь ваша именуется водянкой, и её не излечить всем водам океана, если б даже вы стали принимать их по капле. Впрочем, сеньор Сервантес, пейте умеренно, не забывайте про еду, и вы поправитесь без всяких лекарств.

– Это мне многие говорили, – возразил я, – однако ж не пить я не могу, ибо это значит отказать себе в том удовольствии, ради которого я словно появился на свет божий. Дни мои сочтены, равно как и удары моего пульса, который, судя по записям, перестанет биться, самое позднее, в ближайший воскресный день, и то будет последний день моей жизни. В тяжелую минуту встретились мы с вами: ведь у меня даже нет времени для того, чтобы поблагодарить вас как должно за ваше внимание». В скверном настроении возвращается домой Сервантес, на мгновение в угнетенном сознании вспыхивает дерзкая мысль: «А вдруг да настанет такая пора, когда, связав порванную нить, я доскажу всё, чего здесь недостает и что следовало бы сказать?» Но это только мечты, болезнь напоминает о себе с новой силой и у него вырывается крик души: «Простите, радости! Простите, забавы! Простите, веселые друзья! Я умираю в надежде на скорую и радостную встречу с вами в мире ином». Так заканчивается этот волнующий по чувству «Пролог», написанный незадолго до смерти.

19 апреля, сделав крайнее усилие, Сервантес сочиняет текст посвящения только что завершенного романа «Странствия Персилеса и Сихизмунды» графу де Лемосу: «Не хотел бы я, чтобы те старинные строфы, которые в свое время таким успехом пользовались и которые начинаются словами: «Уже я ногу в стремя заношу», – вполне пришлось к месту в этом моем послании, однако я могу начать его почти так же:

*Уже я ногу в стремя заношу,
Охваченный предсмертной тоскою,
И эти строки вам, сеньор, пишу.*

Вчера меня соборовали, а сегодня я пишу эти строки; время идет, силы слабеют, надежды убывают, а между тем желание жить остаётся самым сильным моим желанием...» В эти критические дни писатель думает о том, что составляло главное содержание его жизни. «В душе моей, – продолжает он посвящение, – всё еще живут дорогие образы Недель в саду и Достославного Бернардо. Если ж, на моё счастье, выпадет мне столь великая удача, что небо продлит мне жизнь, – впрочем, это будет уже не просто удача, но чудо, – то Вы их увидите, а с ними и конец Галатеи, которая Вашей светлости пришла по вкусу».

Сервантес умер 23 апреля 1616 года. За гробом двигалось всего несколько человек, среди них два малоизвестных литератора и монахи. По францисканскому обычаю похоронили «с открытым лицом» в монастыре на улице Кантарранас. Плиту с его именем на могиле не поставили. Монастырь вскоре перевели в другое место, и место захоронения затерялось. В 1833 году снесли и дом, в котором в последние годы жил и умер Сервантес¹³.

Из произведений, что он готовил к печати, свет увидели через год после кончины «Странствия Персилеса и Сихизмунды». Остальные рукописи пропали.

¹³ Жена Сервантеса пережила мужа на 10 лет. Со смертью его дочери Исабели в 1652 году известия о семье писателя обрываются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вечные образы не перестают быть популярными только на протяжении своей эпохи – они остаются таковыми длительное время, несколько веков подряд. Правда, со временем они теряют конкретику и становятся образами-символами. В них, прежде всего, отражаются общечеловеческие моральные и нравственные принципы, ведь эти ценности остаются практически неизменными во все времена. Классическими примерами вечных образов являются такие герои, как Гамлет, Дон Кихот, Фауст, Прометей, Ромео и Джульетта. Все они отличаются широким содержанием, охватывают не одну, а все составляющие человеческой натуры.

Мигель де Сервантес Сааведра - автор пародии на «рыцарские» романы «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский» – в бедности и одиночестве доживал свой век. Ни сам писатель, ни его современники даже не могли предположить, что через несколько веков его герои не только не будут забыты, а станут самыми «популярными испанцами», и соотечественники поставят им памятник.

Роман Сервантеса потряс читателей и стал не только фактом истории литературы, но и фактором, изменившим её, создавшим многие сюжеты. Переключку или спор с Сервантесом уже четыреста лет ведут писатели. Без него не написал бы своего Дон Кихота — князя Мышкина из «Идиота» Достоевский. Герой романа Замятина «Мы», у которого нет даже имени, только номер, тоже по-донкихотски встает на борьбу против всех. Мигелю де Сервантесу Сааведре удалось создать роман, который будоражит умы людей всех времён и народов. Тайну привлекательности образа Дон Кихота пытались разгадать философы (Шеллинг, Гегель), писатели (И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Томас Манн) и критики (В.Г. Белинский).

Вот, что сказал в своей речи «Гамлет и Дон Кихот» о всемирно-историческом значении образа Дон Кихота И.С.Тургенев:

«Великое, всемирно-историческое свойство! Масса людей всегда кончает тем, что идёт, беззаветно веруя, за теми личностями, над которыми она сама глумилась, которых даже проклинала и преследовала, но которые, не боясь ни её преследований, ни проклятий, не боясь даже её смеха, идут неуклонно вперед, вперив духовный взор в ими только видимую цель, ищут, падают, поднимаются, и, наконец, находят... и по праву; только тот и находит, кого ведет сердце. *Les grandes pensees viennent du coeur* (Великие мысли исходят из сердца (франц.)), – сказал Вовенарг. А Гамлеты ничего не находят, ничего не изобретают и

не оставляют следа за собою, кроме следа собственной личности, не оставляют за собою дела. Они не любят и не верят; что же они могут найти? Даже в химии (не говоря уже об органической природе), для того чтобы явилось третье вещество, надобно соединение двух; а Гамлеты все только собою заняты; они одиноки, а потому бесплодны».

Роман по-своему интерпретировали различные художники (О. Домье «Дон Кихот», Ж. Гранвиль, иллюстрация к «Дон Кихоту»), композиторы (К. Караев, Ф. Мендельсон, И. Штраус) и другие деятели искусства.

Гениальные книги неисчерпаемы. Они снова и снова заставляют людей задумываться о главном: о себе, о человеческой судьбе и судьбе человечества. Они как зеркало, в котором каждый новый век видит себя. Такие произведения продолжают жить многие столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Apráiz J.** Estudio histórico-crítico sobre las Novelas ejemplares de Cervantes // Apráiz J. 1901 – Estudio histórico-crítico sobre las Novelas. – Vitoria, 1901.
2. **Armas J. de** El Quijote y su época // Armas J. 1915 – El Quijote y su época. – Madrid, 1915.
3. **Bertrand, Jean Jacques Achille** Cervantes et le romantisme allemand // Bertrand, Jean Jacques Achille 1914 – Cervantes et le romantisme allemand. - Paris : Librairie Félix Alcan, 1914. - p. 22.
4. **Bonilla y San Martâin, Adolfo** Cervantes y su obra // Bonilla y San Martâin, Adolfo 1916 – Cervantes y su obra. - Madrid : Francisco Beltrâan, 1916. - p. 262.
5. **Bonilla y San Martín, Adolfo** Las Teorías estéticas de Cervantes // Bonilla y San Martín, Adolfo 1916 – Las Teorías estéticas de Cervantes. - Madrid, 1916. - p. 37.
6. **Cejadory Frauca Julio** La lengua de Cervantes // Cejadory Frauca 1905-1906 – La lengua de Cervantes. - Madrid, 1905-1906.
7. **Cejadory Frauca Julio** M. de Cervantes Saavedra // Cejadory Frauca 1916 – M. de Cervantes Saavedra. – Madrid, 1916.
8. **Chasles Émile** Michel de Cervantes // Chasles 1866 – Michel de Cervantes. - Paris : Didier, 1866. - 2. éd : p. 460 S.
9. **Cotarelo y Mori, Emilio** Ultimos estudios cervantinos // Cotarelo y Mori, Emilio 1920 – Ultimos estudios cervantinos. - Madrid : Tip. de la «Rev. de Arch., Bibl. y Museos», 1920.
10. **L. Morales** M. Cervantes. - Barcelona, 1928.
11. **Leon Mainez Ramón** Cervantes y su época // Leon Mainez 1901 – Cervantes y su época. - Jerez de la Frontera : Taller tip. de la «Litografía jerezana» á cargo de I. Velazco Aguilar, 1901. - p. 572, xxii.
12. **López Barrera Joaquín** Cervantes y su época // López Barrera 1916 – Cervantes y su época. - Madrid : Impr. de los Hijos de Gómez Fuentenebro, 1916. - стр. 203.
13. **M. Menéndez y Pelayo** Cultura literaria de Cervantes y elaboración del Quijote [Book Section] // Estudios de crítica literaria. - Madrid, 1905. - 4 série.
14. **Maetzu Ramiro de** Don Quijote, Don Juan y la Celestina // Maetzu 1926 – Don Quijote. - Madrid : Calpe, 1926. - p. 289.
15. **R. Menendez Pidal** Un aspecto de la elaboración del Quijote [Book]. - Madrid, 1924. - 2-da ed.
16. **Белинский Виссарион Григорьевич** Тарантас. Сочин. гр. В. А. Соллогуба // Собрание сочинений. - СПб, 1900. - изд. 2-е : Т. IV.
17. **Берковский Наум Яковлевич** Ранний буржуазный реализм // Берковский 1936 – Ранний буржуазный реализм. - Ленинград; Москва : Гослитиздат, 1936. - стр. 2.
18. **Блок Жан-Ришар** Актуальность «Дон-Кихота» [Статья] // Интернациональная литература. - М, 1935 г. - Т. IX.
19. **Вейнберг Павел Исаевич** Сервантес (Биографический очерк) [Статья] // Мир божий. - 1892 г. - Т. X.
20. **Венгерова Зинаида Афанасьевна** Трехсотлетие «Дон-Кихота» [Статья] // Баян. - Санкт-Петербург, 1905 г. - 6.

21. **Веселовский Алексей Николаевич** Витязь печального образа // Веселовский 1912 – Этюды и характеристики. - Москва : Типолитограф. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. - 4-е значительно дополненное изд.
22. **Виардо Луи** Жизнь и произведения Сервантеса // Дон-Кихот. - [б.м.] : изд. А. Г. Кольчугина, 1895.
23. **Водовозов Василий Иванович** О Дон-Кихоте Сервантеса и в особенности о второй части его романа [Статья] // Журнал Министерства Народного Просвещения (ЖМНП). - СПб., сент. 1858 г. - ч. ХСІХ : отд. V.
24. **Гейне Генрих** Введение к Дон-Кихоту // Гейне 1904 – Полное собрание сочинений Генриха Гейне / ред. Вейнберг Петр Исаевич. - Санкт-Петербург : А.Ф. Маркс, 1904. - 2-е изд : стр. 6.
25. **Горнфельд Аркадий Георгиевич** Дон-Кихот и Гамлет, сб. автора «Боевые отклики на мирные темы», Л., 1924.
26. **Де-Ла-Барт Ф.** Дон-Кихот Сервантеса и испанское общество в конце XVI и в начале XVII ст., «Педагогическая мысль», изд. Коллегии Павла Галагана, Киев, 1905, вып. I.
27. **Державин Константин Николаевич** Сервантес и «Дон-Кихот», изд. Гос. Акад. театра драмы, Л., 1933; изд. 2, Л., 1934.
28. **Державин Константин Николаевич**, Смирнов А. А. и Плавский З. И. Сервантес // Державин, Смирнов и др. 1958 – Сервантес. - Москва : Гослитиздат. [Ленингр. отд-ние], 1958. - стр. 6.
29. **Жебровский В.** Русская литература о Сервантесе, «Известия Одесского библиографического общества», т. I, 1912, вып. 10 (поправки см. там же, т. II, 1913, вып. 2)
30. **Карелин Владимир Александрович** Дон-кихотизм и демонизм // Карелин 1866 – Дон-кихотизм и демонизм. - Санкт-Петербург : печ. В. Головина, 1866. - стр. 161.
31. **Коган П. С.** Трагедия идеализма. (По случаю 350-летия со дня рождения Сервантеса), «Русская мысль», 1897, VIII.
32. **Луначарский А. В.** Послесловие к сокращенному изд. «Дон-Кихота», изд. «Красная новь», М., 1924.
33. **Михайловский Н.** Полное собр. сочин., т. X, СПб, 1913, стр. 721—723
34. **Набоков В. В.** Сервантес. – В кн.: Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998.
35. **Набоков Владимир** Лекции о «Дон Кихоте» [Статья] // Независимая Газета. - 2002 г.
36. **Петров Д. К.** «ЖМНП», ч. 352, 1904, март.
37. **Петров Д. К.** К литературной истории романа Сервантеса «Trabajos de Persiles y Segismunda», «ЖМНП», ч. 349, 1903, окт.
38. **Прекрасная цыганка.** Испанская повесть, Смоленск, 1795.
39. **Саламанкская пещера.** Интермедия, перев. с исп. А. Н. Островского, П. — М., 1919.
40. **Сервантес и всемирная литература.** М., 1969.
41. **Сервантес М. де.** Собрание сочинений, тт. 1–5. М., 1961–1962.
42. **Сервантес Сааведра Мигель [и др.]** Назидательные новеллы // Сервантес, Кржевский и др. 1935 – Назидательные новеллы. - Москва; Ленинград : Academia, 1935.

43. **Сервантес Сааведра Мигель [и др.]** Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский // Сервантес Сааведра, Кржевский и др. 1935 – Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. - Ленинград : Мол. гвардия. Ленингр. отд-ние, 1935.
44. **Сервантес Сааведра, Мегиль де [и др.]** Интермедии // Сервантес Сааведра, Мегиль де, Островский et al. 1956 – Интермедии. - Москва : Искусство, 1956.
45. **Сервантес Сааведра, Мигель де** Интермедии Мигеля Сервантеса Сааведра // Сервантес Сааведра, Мигель де 1886 – Интермедии Мигеля Сервантеса Сааведра. - Санкт-Петербург : Н.Г. Мартынов, 1886.
46. **Сила крови**, Повесть, «Отечественные записки», 1839.
47. **Стороженко Н. И.**, Философия Дон-Кихота, «Вестник Европы», 1885, IX (перепеч. в сб. статей автора «Из области литературы», М., 1902).
48. **Тургенев И. С.** Гамлет и Дон-Кихот, «Современник», 1860, № 1 (перепеч. в «Собр. сочин.», т. X, СПб, 1911).
49. **Франк Бруно, Кочетков А. и Померанцева Г.** Сервантес. - Москва : Мол. гвардия, 1960. - 4-е изд..
50. **Фриче В. М.** Шекспир и Сервантес, «Вестник воспитания», 1916, IV (ср. одноименную ст. его же в «Современном мире», 1916, IV).
51. **Цомакион Анна Ивановна** Сервантес // Цомакион 1894 – Сервантес. - Санкт-Петербург : Ф. Павленков, 1894.
52. **Шепелевич Лев Юлианович** «Дон Кихот» Сервантеса // Шепелевич 1903 – Дон Кихот Сервантеса. - Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1903.
53. **Шепелевич Лев Юлианович** «Дон-Кихот» Сервантеса. (По поводу трехсотлетия появления в печати. 1605—1905), в сб. ст. автора «Историко-литературные этюды», серия II, СПб, 1905;
54. **Шепелевич Лев Юлианович** «Трехсотлетие» Дон-Кихота» Сервантеса, «Вестник Европы», 1905, V.
55. **Шепелевич Лев Юлианович** Генезис «Дон-Кихота» (Главы из неизданной книги), «ЖМНП», ч. 349, 1903, сент.
56. **Шепелевич Лев Юлианович** Ложный «Дон-Кихот» и его автор, «Вестник иностранной литературы», 1900, IV.
57. **Шкловский Виктор** Как сделан Дон Кихот, сб. «Развертывание сюжета», «Опояз», 1921, и «Теория прозы», «Круг», М., 1925

**Чурсин Владимир Дмитриевич
Газиева Ольга Владимировна**

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

*Корректор Г.А. Шепелевич
Печатается в авторской редакции*

Подписано в печать 13.04.2015. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ л. 5,7. Тираж 500 экз. Заказ № 15/101

*ООО «Издательство «Социально-гуманитарное знание»
191024, Санкт-Петербург, пр-т Бакунина, дом 7, литер А
www.ruslibart.com*

*Отпечатано в типографии «Печатный цех»
190005, г. Санкт-Петербург, ул. Егорова, д. 26*